

ПАЛОМА ОКЛАХОМА

ВСТПЛІТЬ СО ДНА

В ПОСЕЛКЕ ВОРОВСКОГО

Палома Оклахома

**Всплыть со дна в
поселке Воровского**

«Литнет»

2025

Оклахома П.

Всплыть со дна в поселке Воровского / П. Оклахома — «Литнет»,
2025

От упоминания последнего летнего месяца Веру до сих пор скручивает изнутри. Одна ошибка — и сердце оказывается разорванным на части. Вместе с утратой первой любви угасает доверие к людям и рушится иллюзия семьи. Годы летят, Вера по крупицам собирает себя заново. Но главное испытание — не пойти ко дну, когда прошлое постучится в обшарпанную дверь, приведет на порог дома, где случилось столько счастья, и заставит искать ответы о судьбе людей, которых когда-то хотелось называть семьей. Предупреждение: в книге присутствуют напряженные драматические линии ТГ-канал для тех, кто хочет познакомиться ближе: [paloma_oklahoma](#)

Содержание

Глава 1. Бытовая техника	5
Глава 2. Знойные воспоминания	12
Глава 3. Погружение	17
Глава 4. Влажные границы	26
Глава 5. Надгробная плита	31
Глава 6. Важный урок	37
Глава 7. Стены замка	42
Глава 8. Признание	48
Глава 9. «Девятый»	53
Глава 10. Как за «каменной» стеной	57
Глава 11. Жестокие игры	62
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Глава 1. Бытовая техника

Палома Оклахома

«Всплыть со дна в поселке Воровского»

Дисклеймер:

Данное произведение является художественным вымыслом. Все персонажи, события, организации, компании, локальные объекты и географические названия использованы в качестве художественных декораций. Любые совпадения с реальными людьми, живыми или умершими, а также с реальными событиями или организациями являются случайными.

Автор не ставит своей целью пропаганду или оправдание каких-либо действий, описанных в книге. Роман является исключительно художественным исследованием.

#первая любовь #от дружбы до ненависти и любви #семейные тайны

Глава 1. Бытовая техника

На крышке стиральной машины красуется неприятный натюрморт — по всему периметру раскидан «реквизит», который в миру принято скрывать от посторонних глаз: бутылочка массажного масла, скомканный чек из круглосуточного «бутика», полупустой блистер с успокоительным и... Какого черта здесь делают крупногабаритные семейники? Тестостерона в доме не водится. Ну, Дашка, погоди! Опять брала на дом «внеурочные проекты»?!

Сбрасываю барахло в корзину, хватаю боксеры щипцами для завивки и метко забиваю трехочковый в мусорное ведро. Мысленно проговариваю, что теперь надо не забыть простерилизовать эту несчастную плойку.

Одна минута до эфира!

Поворачиваюсь к сушилке и стягиваю полотенце пониже — нужно прикрыть плесень на кафеле. Выключаю бра и зажигаю кольцевую лампу, купленную на распродаже. Продавец обещал, что она любую бабу способна превратить в поп-диву. Посмотрим. Холодный свет неона бликует в зеркале, и я вглядываюсь в свое отражение. Глаза, некогда светившиеся оптимизмом, теперь напоминают глазенки дохлой рыбы, зато тело выглядит неплохо. Что ж, покупка, кажется, себя оправдала.

Запускаю отжим, сажусь на крышку и чувствую, как машинка начинает раскачиваться.

Я не из тех, в кого парни влюбляются с первого взгляда. Мое лицо далеко не кукольное: скулы резко очерчены, под глазами вечные тени, ресницы жидкие и бесцветные, зато, если не уследить за бровями, они начнут куститься. Черное каре, которое со мной с детства, последние годы я закалываю наверх или прячу под головные уборы. Это, правда, лишь подчеркивает бледность кожи, а мои тонкие губы вообще будто насмеваются над принятыми в «профессии» канонами красоты. Выезжаю на фигуре: формы пышные, спина ровная, ноги стройные. В купальнике я смотрюсь спортивно, в платьях — сексуально. Я даже могу быть красивой, если захочу, но это требует времени и вложений. А сейчас нет ни того ни другого, только свет в лицо и стиралка под попой.

Барабан крутится, корпус подрагивает — исполняю особый запрос нового клиента. Ему хочется, чтобы все было как в голливудском кино: романтика в прачечной. Ну что ж, будет в точности так! Плесень прикрыли и полный вперед! Американ бой, уеду с тобой.

Оповещение о входящем вызове не заставляет долго ждать, и я, не отрывая взгляда от экрана, на мгновение замираю. Позволяю телу прочувствовать все, что с ним происходит, настроиться на сеанс. Машинка делится легкой вибрацией, колебания кажутся почти убаюкивающими. Работающий изо всех сил моторчик чуть не расплавляет крышку стиралки, и от этого давно позабытого ощущения тепла перед глазами вдруг всплывает салон автомобиля Августа, где меня всегда поджидало сиденье с включенным подогревом.

Когда Августу исполнилось девятнадцать, отец велел ему присмотреть автомобиль. Сказал сопоставить цену-качество, и если выбор окажется достойным, то он даст полную сумму на покупку. На просторах интернета Август откопал «Мини Кантримен» — не хищный автомобиль, но с характером: он был темно-зеленого, почти черного цвета, с серебристыми матовыми вставками на приборке и, конечно, кожаными креслами. Зимой они нагревались быстрее, чем я успевала сбрасывать слои верхней одежды — я такая мерзлячка, что всегда одеваюсь как капуста. Август вечно таскал меня на каток, я ежилась там от холода, грела дыханием замерзшие пальцы и считала минуты до поцелуев на заднем сиденье — жарких, как летний месяц.

Один недостаток, однако, в тачке имелся: багажник. Кроме спортивной сумки с хоккейными принадлежностями Августа, туда больше ничего не вмещалось.

Тепло постепенно собирается внизу живота, мышцы невольно откликаются. Забавно, что с годами меня стали будоражить такие, казалось бы, невинные воспоминания. Волна нетерпе-

ния нарастает, охватывает все тело, дыхание сбивается — как раз тот момент, которого ждут «театралы». Можно включать камеру.

«Михаил Попков», — читаю имя в аккаунте. Мужчина скрывает физиономию, лишь его силуэт проступает в свете экрана. Я тоже никогда не показываю лица — цифровая маска, наложенная приложением, создает естественный, но не подлинный образ. Даже если мы когда-нибудь случайно пересечемся на улице, он пройдет мимо, и глазом не моргнув.

Ванную наполняют отрывистые, учащенные вдохи, и вскоре обладатель низкого, властного голоса намеревается сунуть свой нос «за кулисы».

— Приоткрой занавес, — шепчет он.

Отвечаю с запозданием: подсознание недовольно, что его выдернули из уютных воспоминаний и ткнули носом в малоприятную реальность. Я покачиваюсь на крышке машинки, веду партию, лестную мужскому самолюбию, а легкая вибрация помогает держать ритм. Влажный пар медленно оседает на коже. Мне тепло, перед глазами снова всплывает образ Августа, и я окунаюсь в прошлое.

Мы познакомились в преддверии самого щедрого времени года. Летний сезон представлялся бесконечным, а дни, казалось, можно было растянуть и намотать на палец, как жвачку. Горячий воздух, трава по пояс и ощущение, что сентябрь — месяц, которого на самом деле не существует.

Как сейчас помню тот воскресный вечер: стою у палатки с мороженым в воздушном хлопковом сарафане, чувствуя, как ткань прилипает к спине, а ноги зудят от укусов комаров. Ларек — не только центр притяжения честного народа, но и местный дозорный пункт. Как на ладони, отсюда видно всю округу. В руках сжимаю сорок рублей — часть выручки от неофициальной расклейки объявлений. Ровно эту сумму я выделила себе на баловство, а неказистый остаток отложила на прочие нужды. Должно хватить либо на желанный рожок, либо на спасительную бутылку минералки: жара невыносимая. Как тут выбрать? Хочется и того и другого.

Он подходит со стороны дороги, без позы, без попыток привлечь внимание, как это свойственно парням его возраста, и принимается изучать ассортимент. На нем светлые шорты, дорогие кеды и брендовая футболка.

Я неспроста приучила себя держаться подальше от московских задир. Они появляются каждое лето как гром среди ясного неба и осаждают поселок: шумные, нарядные, самодовольные, точно все, что здесь есть, — не наша брэнная жизнь, а декорации к их летним каникулам. Мы, местные, всегда смотрим на дачников исподлобья: сдержанно, но устало. Визиты гостей из столицы для всех обращаются стихийным бедствием, и, как ни готовься, ничто не способно облегчить этот наплыв: рынок начинает ломить цены, с полок исчезают любимые товары, на пляжах скапливаются горы мусора. Машины дачников выстраиваются на обочинах, прокатываются по клумбам и пугают кур. Благо, есть в городе черта, которую они никогда не переступают: сакральный монумент.

У краеведческого музея приютился стальной каркас ангела, сваренный некогда из обрезков труб и арматуры. К ней дачники никогда не приближаются, знают, как важна для нас местная святыня. Небожительница сложила крылья и будто присела отдохнуть у въезда в поселок. С тех пор мы охраняем ее как реликвию. Селяне с трепетом заботятся о ней: летом одевают в наряд из бархатцев и ноготков, осенью оплетают алыми гроздьями рябины, зимой укутывают еловым лапником, а весной украшают кружевами из сухоцветов. Помню, как в школе мы с девочками целый месяц мастерили для безымянной стражницы сарафан из разноперых лоскутов.

Этот стихийный мемориал существует дольше, чем я себя помню. Поселковые старожилы с благоговением относятся к крылатой заступнице, их преданность передалась и новому поколению: мы верим — пока дозорный дух стоит на посту, поселок будет под защитой. А если

кто осмелится посягнуть на покой хранильницы, с обидчиком произойдет то, о чем вслух не говорят. Местные сумеют пустить врага на корм рыбам.

В общем, москвичи приезжают с таким видом, будто все здесь заведомо принадлежит им. И вот очередной столичный принц, привыкший к безупречному сервису и к тому, что все перед ним должны расстилаться, заводит со мной разговор:

— Что вкуснее, эскимо или рожок?

— Рожок, конечно! — раздраженно выпаливаю я. — Он больше, а на самом дне вафельного стаканчика всегда ждет сюрприз!

— Да ты что? И какой же?

— Вот попробуй — узнаешь, — отмахиваюсь с пренебрежением.

— Здравствуйте, два рожка, пожалуйста. — Новоиспеченный дегустатор протягивает кассирше пять тысяч рублей, а у меня отвисает челюсть. С такими банкнотами за сладким у нас не шастают.

Продавщица в ответ лишь смеется и сообщает, что не наберет столько сдачи.

— Вот. — Я сую бабе Нине четыре своих мятых десятки, та качает головой и выдает нам долгожданное лакомство. Одно на двоих.

— «Гигант», — подходит он вплотную и читает над моим ухом. От тембра его приглушенного голоса по коже разбегаются щекочущие мурашки.

Если честно, со словом «гигант» у меня навсегда останется только одна ассоциация — и да, снова это имя: Август. История, которую я приберегу на «потом».

— Сын. В машину.

У черного внедорожника с московскими номерами медленно опускается стекло. Приказ, напоминающий по звуку скрежет тормозных колодок, заставляет меня резко выпрямить спину и почему-то почувствовать себя виноватой. Успеваю лишь мельком изучить главу семейства, прежде чем тот смеряет меня взглядом, в глубине которого угадывается тень одержимости.

Меня передергивает, как от удара током: именно таких людей я всегда старалась обходить за версту.

— Не тронусь сейчас — пеняй на себя. Будешь вспоминать этот момент как начало конца.

Я вижу, как челюсти юноши сжимаются, а глаза становятся пустыми.

— Тронулся ты уже давно, — бросает он еле слышный ответ.

Мгновением позже парень встречается со мной взглядом, в котором я распознаю немое извинение за сцену. Собираюсь ретироваться подальше от накала страстей, как вдруг замечаю на красивом лице еще одну перемену: молодой человек чуть морщится, будто от внезапной тошноты, облизывает пересохшие губы и на секунду сжимает пальцы, словно старается унять дрожь. Мне даже чудится, что он бледнеет на полтона. Не отвожу взгляд, наблюдаю за ним и за тем, как он прислушивается к своему организму. И вдруг меня посещает странная, не имеющая веских оснований мысль: порция глюкозы для него — это не прихоть, а вопрос, граничащий с необходимостью.

В груди неприятно тянет от осознания, что я купила лакомство на последние деньги. Интуиция, однако, берет верх над голосом разума и заставляет мою руку податься вперед.

— Попробуй, тебе должно понравиться. — Благородно вручаю парню рожок. Он принимает его и в ответ озаряет меня добродушной и немного растерянной улыбкой.

— Спасибо. Как тебя зовут? — слышу соблазнительный шепот.

— Да никак.

— С места не сдвинусь, пока не вытяну имя моей спасительницы.

— Не думала, что замороженная сладость способна оказать неотложную помощь.

— Ну же, представься!

— Будешь вспоминать этот момент как начало конца, — решаюсь я передразнить грозного бату, и мы двое шкодно прыскаем со смеху.

— Считаю риск оправданным.

За спиной взрывается столь оглушительный сигнал, что у меня в животе все переворачивается.

Водитель давит на гудок так яростно, будто пытается звуком вышибить дух из окружающих. Воздух дрожит, в ушах звенит, а в груди нарастает паника. Не хочу, чтобы упрямый парень попал в неприятности из-за меня, и спешу рассекретить свою личность:

— Вера.

— А фамилия?

— Бесстыжева. — По привычке опускаю глаза в пол. Фамилия в нашей семье говорящая: мама выбрала себе ремесло, которым не принято хвастаться в обществе. Односельчане с горечью судачат, не ступлю ли я на проторенную ею дорожку.

— Август Голицын. Тогда найдем друг друга в соцсетях! — приободрившись, сообщает он и зачем-то протягивает мне пятитысячную купюру.

— С ума сошел? — Я отшатываюсь к краю дороги; меня чуть не задевает мотоцикл, но Август вовремя успевает предотвратить катастрофу. Твердой хваткой он ловит меня за плечо, а затем уверенно подтягивает обратно к тротуару.

— Не оставлю же я даму без десерта! — Он машинально отряхивает меня, сует банкноту в руку и испаряется так же внезапно, как появился. Колеса джипа визжат, и железная махина нетерпеливо срывается в сторону Москвы.

Каждый раз, как закрываю глаза, я снова оказываюсь у той палатки. В отправной точке, где все еще можно было изменить. Но спертый воздух, запах стирального порошка и мерное гудение машинки возвращают назад, в душную ванную.

В наушниках нарастает суетливый шорох. Я трясую головой, прогоняя навязчивые мысли, а клиент тем временем голосит:

— Выразительнее! — Его речь становится тягучей, будто каждое слово дается с усилием.

Я киваю, делаю глубокий вдох, перехожу к финальному акту, и заказчик замолкает. Через несколько секунд Михаил издает протяжный рык, экран гаснет, а на мой счет в онлайн-банке поступает оговоренная сумма. Оплата прошла, в этот раз меня не кинули.

Остаюсь на крышке стиралки, слушаю, как вода идет по трубам, втягиваю запах сырости и не понимаю, как я до всего этого докатилась? Я ведь обещала себе, что никогда не стану похожей на мать, зарекалась, что не позволю повесить на себя постыдный ярлык, с пеной у рта доказывала, что не превращусь в безликую услугу. Но вот она я, седлаю бытовую технику в угоду толстосумным ценителям сатиры, подыгрываю их странным желаниям и становлюсь живым подтверждением того, что наша фамилия действительно говорящая.

30 процентов людей влюбляются с первого взгляда, но только 5 остаются вместе. Ты из этого числа? Все о безусловной любви в романе-детективе *«Медные трубы»*. Читать тут: <https://litnet.com/shrt/JqSP>

Глава 2. Знойные воспоминания

— Даш, ну что за труханы в ванной валяются, а?

— У-у-упс. Издержки производства. — Соседка делает зубастую гримасу и пытается купить меня виноватым взглядом.

— У нас же уговор: бизнес-встречи на дому не проводим.

— Спорим, ты сейчас по-другому запоешь? — Дашка хватается меня за руки и тащит на кухню.

— Ну я тебе устрою! — отбиваюсь всеми конечностями.

Мы протискиваемся в облезлую хрущевскую каморку, которую в народе принято называть кухней, и я столбенею.

— Ты шутишь? На какие шиши?

Вместо убитого временем крошечного холодильника «Бирюса» у стены возвышается новенькая фирменная бытовая техника.

— Была в Электростали по работе и зашла в магазин электроники постоять под кондиционером. Ко мне подкатил консультант и начал обрабатывать: «Вы вся горите». А то! Духота была просто ужасная! И в офисе кондея нет, и у нас с тобой дома даже водички холодной попить нельзя — ничего не влезает в развалюху. Тут он такой: «Давайте я вам кое-что покажу». Я, конечно, подумала, что речь пойдет о прејскуранте, а он... внезапно провел презентацию эксклюзивного пакета услуг. Переговоры прошли успешно, и в итоге мы сторговались на новый холодильник!

— Офигеть, Даш. Сделка века. А трусы-то его как сюда попали?

— Сервис оказался «под ключ», даже логистика была включена! Он не только все погрузил и привез на служебной «Газели», но еще и комплект яиц подарил!

— Вот это я понимаю: холодильник с опцией доведения до кондиции.

— Да у нас и стиралка с той же функцией, — язвительно отвечает она на укол.

Дашка заливается смехом, достает из морозилки кубики льда в модной пластиковой формочке, раскладывает по стаканам и наливает из графина кипяченую воду. Пару минут мы просто наслаждаемся ледяной жидкостью.

Даша Бабочкина — та еще штучка. За словом в карман не полезет. У нее светлая кожа, веснушки на носу и кудри, которые она то собирает в хвост, то распускает по плечам. Когда-то она была прилежной студенткой и штудировала гостиничное дело в столичном университете. На втором курсе учебу пришлось бросить: все отложенные крошечной семьей деньги потребовались на лечение отца. Родитель не выжил, а медицинские счета вогнали Дашу в долги, с которыми ей не под силу расквитаться и по сей день. Финансовое положение вынудило ее осесть в родном городе, куда и меня однажды занесло волей судьбы. Так и познакомились.

Бабочкина до последнего цеплялась за надежду перебраться назад, поближе к Москве, а моя квартира за чертой города как раз разваливалась на глазах. Содержать ее одной мне было не под силу.

Улыбка у Даши широкая, почти детская, а ноги — длинные и вечно в синяках. Из одежды она предпочитает мужские футболки и кеды, но носит их так, что люди оборачиваются с восхищением. Говорит быстро, смеется громко, всегда имеет в рукаве пару бизнес-идей. Она работает в турфирме, но грошовая зарплата тут же разлетается по кредитным платежам, так что Дашка не гнушается монетизировать флирт.

Мама моя съехала со своим неказистым хахалем и теперь коротает дни в его шатковалком домике в Ивановской области, а наша двушка-развалюшка, которую она умудрилась довести до описи имущества и судебных приставов, с горем пополам досталась мне. Теперь

каждая заработанная копейка уходит на погашение непосильных долгов, но я хотя бы не осталась на улице. Тащим хозяйство кое-как с Бабочкиной пополам.

— Какие же мы нищие... — выдыхает Даша, встает и направляется в свою комнату. — Радуюсь кусочкам замороженной воды... — продолжает она на ходу. — Конвертируем молодость в бездушную технику.

Бабочкина завершает тираду и исчезает в дверном проеме.

Лето только вступило в свои права, а жара уже невыносимая. Похоже, все мемы о глобальном потеплении раньше времени стали реальностью. Заползаю на подоконник на кухне, подтягиваю ноги под себя и смотрю на ту самую палатку с мороженым, что пригрезилась мне десятью минутами ранее, выбила из колеи и чуть не лишила нового постоянного клиента. Баба Нина так и работает в киоске. Сколько лет прошло? Пять? Шесть? Она не слышит уже ничего, да ей и не надо: предпочтения всех поселковых относительно замороженных лакомств она знает наизусть, а дачникам раздает остатки с подходящим к концу сроком годности.

Впервые за долгое время меня не скручивает изнутри при слове «август», а раньше даже календарь умудрялся наносить удары. Стоило кому-то сказать: «Пришла платежка за август» — и будто обухом по голове.

Август был моей любовью. Не той, про которую говорят «первая», а той, после которой в жизни больше ничего уже не происходит. До встречи с ним я считала себя обреченной на беспросветное существование деревенской девицей, а после — научилась фантазировать, стала видеть мир шире, не ограничивая его пределами Богородского округа. У меня появились цели и мечты. Одна из которых — навсегда вырваться из поселка Воровского. Как же я надеялась оставить позади ненавистную хрущевку, где соседи уже даже не перешептывались за спиной, а в открытую судачили пройду ли я по маминым стопам.

Спустя годы я все еще слышу тот особенный хруст свежей пятитысячной купюры, вымененной на сорок рублей. Как сейчас помню: прихожу домой и все не могу налюбоваться вожделенной бумажкой. Поднимаю ее к свету, рассматриваю водяные знаки, тру кончиками пальцев. Она новенькая, гладкая, пахнет типографской краской. Я фантазирую, как наберу новых книг, запасусь кофе в зернах, наконец заменю старые наушники и прикуплю пляжное полотенце. Маме возьму коробку ее любимых фиников в шоколаде, а то давно она себя не баловала. Даже если так и не найду подработку, маленьких радостей должно хватить на все лето.

В самом поселке хлебные места разлетаются в мгновение ока, так что соискательствовать приходится по окрестностям. Я хваталась за все: раздача листовок, фасовка конфет, сортировка овощей. Документы у меня особо не спрашивали, а расчет обещали «на следующей неделе». Семь дней превращались в месяц, потом в квартал, а в итоге уговор сходил на «нет», и я оставалась с носом.

Когда я решила выйти из серой зоны и взяться за дело по-взрослому — с документами, печатями, защитой закона, — столкнулась с другой проблемой. В любом отделе кадров требовали медкнижку, а врач в нашем дежурном отделении всякий раз за сердце хваталась, когда видела мой вес — сорок два килограмма при росте сто шестьдесят три сантиметра.

«Пока не поправишься — не подпишу. Не возьму грех на душу», — ворчала она и делала пометки: «Астенизация. Недостаточная масса тела. Временно не годна к работе».

В итоге меня никуда не брали — даже если я была готова стоять на ногах по двенадцать часов в сутки.

Мама вваливается домой за полночь. Я сразу понимаю, что что-то не так: пахнет спиртным и сигаретным дымом, а она швыряет сумку в угол, остервенело сбрасывает с ног туфли, садится на пол прямо в проходе и начинает плакать.

— Не шуми, — командует она, хотя я храню гробовое молчание.

Через пару минут она признается: промотала последние деньги, а завтра ехать на свадьбу лучшей подруги. Не то что подарить нечего, даже добраться в Иваново не выйдет. Потом она замолкает и впивается взглядом в стену, а я тем временем достаю пятитысячную, разворачиваю, смотрю на «куш» в последний раз и кладу маме в ладонь.

Просыпаюсь от того, что меня накрывает волной едких запахов: различаю гарь и аромат застоявшейся в раковине воды. След матери простыл — она спалила завтрак, замочила почерневшую утварь и отправилась праздновать чужое счастье. А у меня впереди долгий день, пустой холодильник и поиск полезных способов убить время.

Простейший рецепт лакомства, как в детстве, — насыпать сахар в чайную ложку, расплавить над газовой конфоркой и подождать, пока он затвердеет. Все утро потом можно рассасывать леденец с терпким привкусом.

Прихваткой держу ложку за самый край, любуюсь, как карамель пузырится и темнеет. На секунду отвлекаюсь: нажимаю кнопку на подержанном ноутбуке, жду, пока заскрипит кулер и мигнет экран. Возвращаю взгляд к плите слишком поздно — сахар уже пригорает, становится черным и горьким. Дую на застывающий комок, а сама таращусь в монитор с мольбами, чтобы доисторический агрегат соизволил прогрузить страницы. И вот оно — чудо: во входящих единственное сообщение.

Август «Сахарок» Голицын:

Ты была права про
сюрприз в рожке! ##

Вера «Атмосфера» Бесстыжева:

Шоколадный конец
впечатлил, да? ##

Август «Сахарок» Голицын:

Ахахаха, жесь...
Скажешь тоже...
##

Август печатает, а затем на экране всплывают ржущие смайлики. И только теперь я понимаю, какую пошлость сморозила.

Вера «Атмосфера» Бесстыжева:

Блин... Вообще не
это имела в виду! ##

Август «Сахарок» Голицын:

Все, поздно, это уже в истории!
Как дела?

Вера «Атмосфера» Бесстыжева:

Далахорошо.

Я замечаю, что ошиблась в слове «дела», только когда нажимаю на кнопку «отправить». Начинаю краснеть.

Август «Сахарок» Голицын:

Да, Бесстыжева, с тобой
не соскучишься! Мне надо остыть.
Пойдем купаться?
Вера «Атмосфера» Бесстыжева:
Ты же вроде в Москве?

Август «Сахарок» Голицын:
Был вчера на тренировке, да.
Но сразу обратно на электричке.
Отец в будни на работе, а я помогаю
маме караулить ремонт. Все лето так будет.

Меня накрывает волной паники. Он действительно здесь! Зовет меня на карьер. Прямо сейчас! Где я купальник-то нормальный возьму? Представляю, в каких шмотках разгуливают его соседки по даче. Эх, можно было бы по-быстрому присмотреть на рынке что-то, но от свалившейся на голову шальной суммы не осталось ни копейки. Ну и в чем мне пойти?

Договариваемся встретиться у «нашего места» — того самого ларька, где случилась первая беседа. Все, что я успеваю придумать, — это выдать за купальник плотное черное белье — спортивный комплект, не так давно подаренный мамой на совершеннолетие. Лифчик как следует держит форму, а трусы не станут просвечивать, когда намокнут.

Надеваю поверх единственное летнее одеяние, которое еще можно счесть нарядным: застиранный сарафан с торчащими нитками и потертыми швами. Зато у него юбка-шорты! Удобно для поездок на велике. Торопливо собираю миниатюрный хвостик, чтобы волосы не лезли в глаза, и вытаскиваю с балкона старенький «Аист».

Скрип цепи одолевает меня еще на подъездной дорожке, а спущенные шины суфлируют: «Бросай эту затею, ты не доедешь и до соседней улицы». Но я не сдаюсь: кручу педали с усилием, от которого сводит спину, и крепче сжимаю руль, упрямо уводящий велосипед в сторону. То и дело приходится останавливаться, чтобы поправить корзинку, кренящуюся под тяжестью собственного веса. Все сипит, дрожит, на ладан дышит. Когда я, наконец, ловлю себя на мысли, что надо бы соскочить с седла, скинуть велосипед в канаву, а самой скрыться в тенистых дворах, натыкаюсь глазами на попу Августа.

Из 5 моих книг в 3 присутствует атмосфера шоу-бизнеса. Ты любишь *музыку* и школьные *приключения*? Тогда роман «*Так себе идея*» — то, что нужно. Читать тут: <https://litnet.com/shrt/5h2l>

Глава 3. Погружение

Он стоит спиной ко мне, облокотившись на руль горного велика; лучи солнца играют на его оранжевых шортах, плотно облегающих упругие ягодицы. И даже здоровенная дыра на левом кармане не портит картины. Сердце ухает вниз, внутри все замирает: понимаю, что именно ради этого стоп-кадра я тащила свой дряхлый «Аист» через всю улицу. Стою, задыхаясь, с мокрыми ладонями на руле, и чувствую, что все мое лето, все, что случится между нами дальше, сейчас зависит от того, какими глазами он на меня посмотрит.

Подкатываю со скрипом, вся запыхавшаяся, а ведь не проехала еще и ста метров. Август отрывается от телефона, медленно скользит взглядом по мне снизу вверх и, вероятно, наконец осознает, во что вляпался. Чувствую, как уши заливаются краской.

Он поджигает губы, ставит велосипед на подножку и, вместо «Привет!» или «Как дела?», молча обходит меня по кругу.

Хочется провалиться сквозь землю, уверена: вот сейчас он точно меня презирует. Ну о чем я только думала, когда раскатывала губу на свиданку с мажористым городским парнишкой?! Ощущаю, как все твердеет внутри, будто полость в груди забетонировали. Он выглядит безупречно, причем я уверена — это его худшие «дачные» шмотки. А я? Нацепила буквально единственное приличное платье и все равно понимаю, что в их загородный дом меня не пустили бы даже на правах горничной...

— Ну что, кобылка, нелегко тебе приходится? — наконец выдыхает Август. — Вот это жизнь помотала...

— Элитный ветеринарный контроль, значит, подъехал? — язвлю, смотря в пол. — Только я человек, если ты не заме... — гневно вскидываю голову и только теперь соображаю, что речь посвящалась велосипеду.

Август пропускает мимо ушей мой выпад, понимающе подмигивает и принимается отстегивать кожаную сумку с инструмен-

тами из-под седла. Я тем временем прикусываю язык и краснею.

В руках Августа появляются насос, ключ и бутылочка с маслом. Серьезно? Я без шуток жду, что он сейчас и кролика из своего ларца достанет. Фокусник чертов.

— Шины подкачаем, а цепь смажем. Но у тебя колесо восьмерку делает, — морщится он, поднимая дряхлого коня на «дыбы» и изучая, как переднее колесо исполняет ритуальный танец. — Опасно на шоссе выезжать.

— Да я привыкла уже.

— Дай-ка попробую подкрутить. Подержи вот так. — Он показывает, как приподнять руль, а сам приступает к манипуляциям с креплениями.

Я вижу, как напрягаются мышцы на его руках, пока он ту же затягивает болты, и ловлю себя на мысли, что мне хочется провести ладонью по этим рельефам. Чтобы остановить поток постыдных фантазий, крепче цепляюсь за руль — дергаюсь, происходит рывок, и Август пачкает колесом белоснежную футболку с узнаваемым крокодильчиком.

— Прости! — ужасаюсь своей нерасторопности и отпускаю руль. Велосипед с грохотом падает, а я в панике начинаю скоблить ногтями по разводу. Сердце пускается в пляс, как только осознаю: я не пятном занимаюсь, а нагло ощупываю линии пресса под тканью.

— Да оставь ты эту кляксу. В машинку закинем — и готово. — Он осторожно убирает мою руку от своего торса и возвращается к ремонту.

Точно... машинка. В моей квартире она давно превратилась в памятник — сломалась три года назад, а отремонтировать ее все руки не доходят. Драим бельишко в тазу. А у Голицыных, выходит, даже в дачном доме приличная стиралка имеется. Какая же я дура.

— Можно ехать. Не идеально, конечно, но будем надеяться, сегодняшнюю прогулку лошадка выдержит. — Август вдруг перевешивает корзину на свой велосипед, и мои брови взмывают вверх.

— Что ты придумал? — искренне удивляюсь я.

— Садись. — Он хлопает ладонью по седлу своего двухколесного друга. — Я поеду на твоём, не хочу, чтобы ты разбилась.

Становлюсь столбом.

— Ты с ума сошел? Это же... ну... ты видишь, в каком он состоянии?

— Мне все равно ноги к сборам надо подкачать. Запрыгивай!

Я хмыкаю и седлаю модного зверя. Август с легкостью справляется с моим тухлявым «страдальцем», и мы выдвигаемся в путь.

— Тебе не стыдно катить на этом драндулете? — с опаской интересуюсь я.

— Стыдно? — Он смотрит на меня лукаво. — Да это настоящий раритет! Сейчас такой уже не купишь.

— Не знаю. Кажется, ему пора на кладбище металлолома, — бурчу, стараясь следить за дорогой.

Никогда еще поездка на велосипеде не приносила мне столько удовольствия. Горный зверек Августа словно идет самоходом, мне почти не приходится крутить педали. Я выдыхаю. На самом деле, мне все равно, на чем ехать. Главное — следовать по пятам за этим озорным московским спортсменом, который обещает раскрасить мое тусклое лето.

Трясу головой и возвращаюсь в реальность. Блин, обещала же себе не копошиться в прошлом. Августа. Больше. Нет. Последнего летнего месяца уже давно не существует в моем календаре.

— Проклятье, календарь! Совсем забыла! — Открываю на телефоне «рабочий» график, к расписанию добавилась еще одна «сессия».

Выставляю свет в спальне, меняю постельное белье — все равно давно пора было это сделать. Клиента зовут Владимир Ионесян, в его аккаунте даже указано место работы: «Мосгаз». Наверняка днем — приличный человек, а ночью — беспринципный оборотень, ну или... крылатый дракон. Что ж, посмотрим, какие причуды у этого «покупателя».

На аватарке мужчина лет сорока, с притягательной щетиной, темными, хищными глазами и подбородком, словно выточенным из мрамора. Устанавливается соединение, заказчик появляется в кадре: шея широкая, руки крепкие, рабочие — в них чувствуется сила, которая не только стальной прут с легкостью согнет, но и чей-нибудь хребет переломит, если потребуется. Волосы аккуратно подстрижены, зачесаны назад, на висках уже виднеются серебряные пряди. Он не из тех, кто улыбается, но из тех, кто смотрит прямо в душу. И от этого действительно становится жарко.

Владимир не просит выполнять приказы, а будто приглашает меня поиграть, будоражит своим прищуром.

В онлайн-труппе, к которой я причислена, такие мужчины — редкие экземпляры из частной коллекции. Их называют «Покровители». Не шадят денег, не меняют фавориток. Если подобный заказчик вошел в чат, будет пламя.

— Приветствую, Вера, — звучит грубоватый бас, без единой ноты теплоты.

— Добрый вечер, Владимир, — улыбаюсь, строю из себя кокетку, стараюсь растопить лед. — Как дела на работе? Утечек не было? Уровень давления в трубах приемлемый?

Он хмыкает.

— Отлично. Вижу, вы подготовились. Поднимите камеру чуть выше... как я показываю. А теперь давайте сбросим давление. — Его движения донельзя красноречивые.

Несмотря на опыт, я каждый раз вздрагиваю от разнообразия сценических образов. Беру себя в руки, подчиняюсь. Подвигаю камеру к ключице, медленно веду вверх к изгибу шеи, показываю, как свет скользит по плечам. Затем позволяю ладони задержаться у корсажа, провести по фактуре ткани. На том конце его силуэт вытягивается, будто струна, а через мгновение оседает в кресле.

— Сядьте ближе, — говорит он. — Медленно опускайте камеру.

Я выравниваю линию корпуса, расправляю плечи, меняю точку опоры. Все делаю без спешки, позволяя напряжению поселиться в комнате. По позвоночнику пробегает холодок, обостряет ощущения, кожа покрывается мурашками. Абонент принимает на свой счет каждую реакцию моего тела.

— У вас разбито сердце, верно? — спрашивает он ровно, без эмоций.

Я вздрагиваю. Как он прочел мои мысли?

— Положите руку на грудную клетку, сосчитайте, сколько внутри осколков.

Я слушаюсь, моя задача помогать фантазии пользователя. Внутри все приходит в готовность, я убираю эмоции из процесса — остается только концентрация. Чувствую, как от мыслей о разбитом сердце по телу расходится жар, закрываю глаза, вижу Августа. Черт, черт, черт! Хватит! Пожалуйста! Убирайся из моей головы! Специально фокусируюсь на экране, хочу слышать только голос клиента, надо избавиться от губительных мыслей о прошлом.

Владимир просит не отрываясь смотреть ему в глаза — Августу тоже нравилось играть в гляделки. Мне становится жарко, будто ртуть ползет вверх по термометру. Чтоб тебя, Голицын! Прочь из моих мыслей!

— Расскажите, что вам во мне нравится? — Слышу тон, не терпящий возражений, потребитель знает, чего хочет.

Меняю позу, на ходу придумываю хвalebные изречения.

— Не спешите, — продолжает он. — Я хочу, чтобы вы смаковали каждое слово.

Подчиняюсь, сочиняю прославляющую оду, позволяю себе потянуть эфирный трафик. Кажется, стоит чуть перестараться, и абонент завершит трансляцию раньше срока. Держу себя в руках, играю со временем, позволяю напряжению только расти.

— Скажите, что вы любите меня, назовите по имени.

Я молчу.

— Вера... Произнесите мое имя.

Роняю дежурный вздох, надеюсь, что притворной партии окажется достаточно, чтобы потешить его самолюбие.

— Вера... — Он устало выдыхает. — Я думаю лишь об одном — о долгожданном *конце* этого изнурительного дня.

— А я думаю о *конце лета*, — признаюсь едва слышно.

Его дыхание сбивается, тело сначала напрягается, а затем резко обмякает.

— Вы своенравная. Мы еще пообщаемся.

Деньги падают на карту, мои услуги оценивают в четыре звезды. Стоило послушаться, озвучить ФИО клиента, но перед глазами все время маячил Август, и язык не повернулся адресовать слова любви иному человеку.

Мы подбреемся к обрыву. Ветер чуть треплет волосы, капли пота щиплют виски, а от песка поднимаются волны жара. Ощущение, что мы не на карьере, а на сковородке.

Август сбрасывает футболку, вслед за ней летят шорты. Черные обтягивающие плавки приковывают к себе мое внимание. Нужно отвернуться! Кручусь на сто восемьдесят градусов, делая вид, что меня заинтересовали заросли на противоположном берегу.

Он разбегается, хочет прыгнуть с карьерного откоса, и у меня останавливается сердце. Выступ крутой, песчаная кромка осыпается, если стоять слишком близко, а внизу вообще неизвестно что! Глубины может оказаться недостаточно, не исключено, что рабочие сваливают на дно негодную арматуру.

— Август, нет! — бросаюсь к нему, цепляюсь за руку, закрываю глаза. Пальцы сжимаются на его запястье, как тиски.

— Вер, ты чего? Высоты боишься?

— Мне за тебя страшно, дубина! Ты видел, сколько тут метров?

— Да я тысячу раз отсюда прыгал. — Он заливается заразительным смехом. Ему, похоже, по-настоящему весело, и он однозначно польщен внезапной заботой. — Погнали, Вер, а то у меня времени в обрез!

— Ты же не знаешь, что может оказаться на дне! — Связки не подчиняются, щеки горят. Мне немного стыдно и очень страшно, что Август не слушается и все равно нырнет. — Городские легенды для кого существуют?

Не стоило так рьяно реагировать и проявлять чрезмерную теплоту, теперь он сиганет во что бы то ни стало, чтобы потешить самолюбие. Стоило быть мудрее, разразиться сарказмом, заявить, что у него нет мозгов.

Однако поведение Августа идет вразрез со всем, что я знала об импульсивных парнях его возраста.

— Все, тихо-тихо, не психуй. Попроберемся ближе к берегу, раз так волнуешься.

Хватаем вещи и начинаем тернистый путь через насыпь к песчаной косе. Спуск тянется бесконечно долго, и меня охватывает тревога: из-за неоправданной паранойи я украла у Августа время от купания. Похоже, он куда-то спешит, но мне не пристало уточнять.

Идет босиком, кеды держит в руках, ступает легко, уверенно; на мне босоножки, но даже в них каждый шаг ощущается так, будто я бреду по раскаленным углям. Жара невыносимая, тело горит, спина прееет под сарафаном — скорее бы уже окунуться в прохладную воду.

Август, не раздумывая, прыгает с покосившегося причала, а я осторожно сбрасываю пласть на деревянные подмости и озираюсь. Первое свидание, а я уже разгуливаю в нижнем белье. Мамина гордость, честное слово.

Едва я касаюсь бретельки, чтобы подтянуть лиф потуже, как слышу треск. Пальцы нащупывают неровный край, и меня накрывает волна ужаса: лямка вырвана с корнем. Все, приехали: купальник держится на честном слове, и любое неловкое движение сулит пустить по ветру остатки моего целомудрия.

Стою в оцепенении, не могу принять решение, но точно знаю одно: если не нырну в воду сию же секунду — потеряю сознание. Выбора нет: либо грести, выставив необъятную грудь напоказ, либо прикрываться руками и идти ко дну с достоинством. Третьего не дано.

— Все нормально? — прищуривается Август. Он замахивается и обдает меня освежающими брызгами. Как я сейчас ему благодарна.

— Купальник порвался, пока мы ехали. Я не смогу зайти в воду.

Август взбирается обратно на пирс, вода стекает по мышцам, грудь покрывают крупные капли. Неожиданно он кивает на свою футболку:

— Надевай.

— В смысле?

— Она длинная, готовый купальный костюм.

— И как ты домой поедешь? — стараюсь смотреть ему в глаза, но взгляд сам собой спускается ниже и бредет по торсу.

— Как-как, без футболки. Сможешь любоваться моим прессом лишние сорок минут!

Вот наглец! Ходячая катастрофа с эффектом увлажнения! Скручиваю из его майки морковку и со всей дури шлепаю по накачанной заднице. Август не успевает увернуться и с притворным девчачьим визгом бросается назад в воду. В воздух взметает фонтан брызг.

Натягиваю футболку поверх лифа — она пахнет им. Дорогим кремом от солнца, скошенной травой, цветочным кондиционером и, самую малость, дорожной пылью. Пахнет так, что хочется завернуться в ткань и остаться в ней навсегда.

Захожу в воду медленно: сначала щиколотки охватывает холод, потом ледяное кольцо смыкается вокруг колен. Вода в карьере обжигающе ледяная, а моя кожа раскалена, как железо на наковальне. Ноги сводит от контраста, мурашки бегут вверх по спине: слишком резкий перепад температур. Август подначивает меня, брызгается, хохочет.

— Вера-а-а! — орет. — Ну давай уже!

— Только и делаю, что *даю*...

— Ого. А тебе идет это поло, — получаю я неожиданный комплимент, пока мокрая ткань липнет к коже, обрисовывая каждый изгиб, каждую выпуклость на теле. Взгляд Августа становится сосредоточенным и скользит по мне с неприкрытым интересом, вода перестает казаться холодной.

— Очень смешно! — Я задерживаю дыхание и погружаюсь с головой. Не могу думать ни о чем, кроме того, что Август совсем рядом и на нем нет верхней одежды.

Он касается меня под водой, щекочет, потом притягивает к себе — я начинаю крутиться и вырываться из шаловливых рук. Его волосы мокрые, щеки горят и покрыты сияющими на солнце каплями. Улыбается, словно считывает в моем взгляде безмолвные комплименты. А я и правда не перестаю плясать.

— Дай руку, — просит он.

— Это еще зачем? — ворчливо спрашиваю я, хотя сама уже тянусь к нему навстречу. Наши пальцы соприкасаются, и внутри у меня все замирает, только сердце исполняет бешеную дробь. Рука Августа обвивает мою талию.

— Задержи дыхание и ныряй за мной на счет три.

— Раз, — начинаю отсчет и подплываю к нему вплотную.

— Два, — выдыхает он и сжимает мои пальцы крепче.

— Три, — шепчем хором, одновременно набираем кислород в легкие и опускаемся под воду.

Мы медленно погружаемся на несколько метров, прохлада воды обволакивает кожу. Мое колено намеренно касается его бедра, но я усердно делаю вид, что это случайность. В ответ его

рука скользит по моей пояснице, а затем ладонь плотно прилегает к спине: так он ведет меня сквозь толщу воды, направляет в нужную сторону.

Стараюсь открыть веки — глаза режет, точно в них песка насыпали. В полумраке проступают очертания бетонной плиты, покрытой илом и водорослями. Из тины торчит скоба, похожая на ручку. «Неужто тот самый люк? Я думала, рассказы о нем — обычные выдумки», — мелькает у меня в голове. Август прижимает мою ладонь к изгибу, заставляет обхватить холодное железо, и вместе мы дергаем вверх раз, другой... Ничего. Только пузыри всплывают к поверхности.

Из поколения в поколение местные дети травят одну и ту же байку: говорят, по центру карьера, на дне, есть отслуживший свой срок дренажный коллектор-убийца. Путь его шахты пролегает глубоко под землей, а выводной канал заканчивается коробом с запечатанным люком. По легенде, инженер не рассчитал силу тяги и установил насосы повышенной мощности. Когда система была приведена в эксплуатацию, никто из лихих любителей ночных купаний не мог и представить, что воронка наделена столь губительной тягой. Тело кого-то из экстремалов закрутило в водоворот и унесло по трубе. Поговаривают, что останки так и не нашли: бетонный отстойник-дробитель принял бедолагу в свои холодные объятия. Бытует мнение, что именно через заржавевший люк у самого берега можно добраться к братскому склепу. Внутри покоятся кости сорвиголов, которые на спор переплывали карьер в часы работы коллектора. Если его отворить, наружу выплеснутся черепа и обломки скелетов.

Смотрим друг на друга, Август пожимает плечами, и мы отталкиваемся ото дна, устремляясь к солнечным бликам.

Я вынырываю и сразу понимаю: что-то не так. Воздух не наполняет легкие, а будто застревает где-то в груди, обжигая. Кашляю, хватаю ртом кислород, тело отказывается слушаться. Я давно не ныряла, потеряла сноровку.

Август же просто вскидывает голову, без лишних звуков втягивает струйку воздуха, не делает резких движений. Я тяжело дышу, поднимая взор — он смотрит прямо на меня. Не на грудь, не на губы. В глаза. Взгляд становится серьезным, его ресницы, длинные и мокрые, хлопают, сбрасывая капли.

— Ты в порядке? — шепчет он. — Мы были под водой слишком долго?

Я отмахиваюсь, но предательски хриплю на новом вдохе.

— Не бери в голову, пустяковая история.

— Кстати, об историях, ты задолжала мне городскую легенду. Эта дверь — часть местных баек?

Хочу ответить и закашливаюсь сильнее. Он хмурится, тянется ближе, выставляет руку, помогает держаться на воде.

— Напрашиваешься на искусственное дыхание? — Обнимает меня за плечи, все как в полусне. Тепло его кожи просачивается сквозь мокрую ткань между нами, чувствую, как дыхание снова сбивается. Какая-то неведомая сила тянет меня к нему, и я, сама того не замечая, приоткрываю губы.

Вот и первый поцелуй. Август касается меня осторожно, как будто боится напугать, а затем целует с настоящей жадой.

Вкус воды и солнца на его губах, тепло рук на моей спине — все закручивается в немыслимый вихрь. Мне кажется, что больше не существует ни песка, ни палящего зноя, ни даже самого карьера — только мы вдвоем и этот бесконечный поцелуй.

Его пальцы скользят по ткани футболки, я не отстраняюсь. Август обладает какой-то гипнотической силой, которая заставляет позабыть о правилах приличия и парализует здравый смысл. Я никогда не позволяла ничего подобного местным ребятам, но сейчас уже не думаю о том, как выгляжу со стороны. Только крепче цепляюсь за его шею и растворяюсь в поцелуе

окончательно: именно этого я ждала от лета, именно так я хотела чувствовать себя — живой, нужной, влюбленной.

Спустя мгновение происходит воображаемый щелчок рычага, и Август вдруг меняется. Из соблазнителя он перевоплощается назад в озорного повесу, его глаза сияют: он щекочет мне бока, заливается тем самым смехом, от которого волнительные мурашки бегут по коже, проказничает, как ребенок. Я визжу, вырываюсь, брызгаю ему в лицо водой, а он только сильнее хохочет, томное напряжение растворяется в этой нелепой возне.

— Голицын, какого лешего? — проносится над водой голос, полный высокомерного возмущения.

84 человека из 100 любят мысленно возвращаться в студенчество. Легко перенестись в те времена можно с книгой *«33 буквы до Нового года»*. Читать тут: <https://litnet.com/shrt/3qRV>

Глава 4. Влажные границы

От ледяных ноток в ее тембре у меня стынет кровь в жилах, и даже чудится, будто температура воды в озере понижается. Я до сих пор чувствую на губах тепло от первого поцелуя с Августом; его футболка все еще на мне, но магия мгновения, которое мы делили на двоих, безвозвратно утеряна.

— Ты офигел?! — Девушка нарочито растягивает гласные, да и вообще выступает на правах собственницы, обнаружившей свое имущество в чужих руках.

Август кокетливо наклоняет голову — мокрые завитки ниспадают на лоб. Я инстинктивно прижимаю руки к груди, стараюсь хоть как-то прикрыть несимметрично выпирающие из-под порванного лифчика формы.

На краю пирса, не доверяя прочности прогнивших досок, стоят две девушки. Солнце бьет им в спину, очерчивая силуэты, а я упрямо щурюсь в попытках рассмотреть лица. Хотя у меня не до конца это выходит, общее впечатление составлено — дачницы. Московские зазнобы. Вероятно, законные подружки Августа.

«Зачем я ему вообще понадобилась? — проносится вдруг в голове. — Парню явно скучать не приходится и всегда есть с кем потусоваться».

Первая — та, что возмущена, — высокая, поджарая, судя по всему, атлетка. На ней безупречный голубой сарафан, напоминающий спортивную форму теннисистки. Идеально прямые каштановые волосы доходят почти до ягодиц. Лицо светится здоровьем и следами дорогого многоступенчатого ухода, нос тонкий, а губы, даже сжатые в недовольную линию, все равно выглядят сочно. Но главное — глаза: оценивающие, подозрительные, по-настоящему злые. В ее взгляде уже не просто неприязнь, а направленная на меня откровенная ненависть.

— Настюх, что с лицом? — Август выныривает, подтягивается на пирс, одной рукой удерживает свой торс на пристани, а другой нащупывает щиколотку подруги и принимается щекотать.

Спесь на миг растворяется, а уголки губ Насти непроизвольно тянутся к ушам. Тревога из ее глаз не уходит, но тем не менее эта спонтанная вспышка мягкости заметно преобразует суровый облик. Стоило бы ей улыбаться почаще, чтобы людей не распугивать.

Глаза привыкают к солнцу, и теперь я разглядываю особу, стоящую чуть поодаль. Она ниже первой, формы пышнее. Растрепанные на ветру светло-русые пружинки волос обрамляют округлое лицо. На щеках легкий румянец и россыпь аккуратных родинок, которые вызывают умиление. Большие глаза дружелюбно смотрят на Августа, потом на меня. В ее взгляде открытое, почти детское любопытство. На ней тоже дорогие шмотки, но они не создают вызывающего впечатления, все на своих местах, приятный внешний вид.

Для меня эта девушка не выглядит тенью Насти, скорее, ярким контрастом. Ее поза расслаблена, руки свободно опущены.

— Лёля, — представляется она. Я машинально киваю в ответ, высовываю кисть из воды и машу.

— Вера.

— Чего вы там? Рыбачите? Вылезайте скорее. — Я не понимаю, почему Лёля гонит нас из воды, но за то, что она завела непринужденный разговор, я благодарна.

— Ага! Гляди, какую русалку поймал! — Август забирается на пирс, оборачивается ко мне, наклоняется и выставляет руки.

Вода течет с него ручьями, мышцы играют в солнечных бликах, только сейчас я замечаю, какая загорелая у него кожа. Опираюсь о доски ногами и позволяю вытащить себя на пристань.

Взгляд Насти скользит по мне, задерживается на футболке Августа, которая доблестно подчеркивает формы, вместо того чтобы скрывать их. Ее глаза снова темнеют, пальцы непроизвольно сжимают край сарафана.

— Мы полпоселка объехали! Звонили тебе сто раз! — Настя гневно отвечает Августу подзатыльник. Настоящий.

Тот стойко принимает удар, хотя даже я слышу, как у него начинает звенеть в ушах.

— Я же тебе написал, что отправляюсь кататься. — Он обиженно потирает темечко. — Ты сказала, что пас!

Август пытается поставить благодушную точку в назревающем конфликте, трясет головой, и брызги с отросших волос летят на безупречные шмотки Насти и Лёли. Первая вскользь называет Августа клоуном, вторая умилительно поджимает губы.

— Ты знаешь, что не должен надолго отлучаться из дома. Не мне тебя вразумлять.

Голицын напрягается, проводит рукой по лицу, сгоняя воду.

— Ты была у меня? Видела маму? У нее все в порядке?

— Твоя мама сейчас в больнице. С Юлием. Он забрался к строителям в разгар работ и сильно пострадал. Я точно не знаю, что случилось. — Настя старается говорить четко, но даже ее командный голос дает слабину. Август прижимает руки ко рту, из груди вырывается сдавленный взглас. — Отец рвет и мечет, он выехал сейчас с работы, скоро будет поблизости. Август, он считает, что это ты недосмотрел за мелким. Твоя мама сказала достать тебя из-под земли и успеть предупредить.

— Насть, спасибо! — Он хватается шорты с земли. — Как вы сюда приехали?

— На Лёлином байке. Бери его, Лёлю и дуйте домой.

— А ты?

— Доберусь на твоём велосипеде. Где он, кстати?

— Насть, ты лучшая! — Август стискивает ее в объятиях и чмокает в щеку.

Та качает головой, но принимает запоздалую ласку, а у меня внутри резкий, холодный толчок. Весь мир на секунду сужается до одного эпизода, в котором руки Августа сходятся у Насти за спиной, а губы касаются ухоженной кожи.

Меня пронзает ядовитой иглой: я здесь лишняя. У Голицыных дома что-то приключилось, и все из-за меня. Теперь понятно, куда он так спешил — вернуться к близким. А я выхватила его из привычной рутины

— Вер, прости, мне придется уехать сейчас. Ты доберешься? Покажешь Насте, где мы бросили велики?

— Конечно! Август, я надеюсь, все будет хорошо...

— Я тоже...

Он не договаривает, голос срывается. Глаза, минуту назад светившиеся энергией, теперь меркнут, и Август резко отворачивается, намереваясь скрыть подступающие эмоции. Плечи ссутуливаются, и он вдруг кажется уязвимым: вся уверенность, весь этот летний задор, которые так меня пленили, испаряются, оставляя на своем месте тревогу и растерянность.

Робким движением он машет мне на прощание, застегивает на Лёле шлем и садится; та обхватывает его за корпус. Мотор набирает обороты, грохочет, и они устремляются в сторону своего СНТ.

Я испытываю беспокойство за Августа, но за себя переживаю не меньше — поехать домой с Настей та еще «гонка» на выживание.

Рев двигателя наконец смолкает, и нас накрывает неестественная тишина. Свежий воздух на пирсе, еще недавно напоенный весельем, становится удушающим. Я мокрая насквозь, капли воды с подола падают на горячие доски и на мои босые ноги. Настя поворачивается ко мне, как полководец, оценивающий поле боя перед встречей с противником:

— Ну что, показывай, где ваши велики. У меня нет времени тут топтаться.

Ее тон как удар хлыста, я вздрагиваю, собираюсь с мыслями. Надо попробовать наладить контакт, Август же дружит с ней по каким-то причинам. Правду ведь говорят: «Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты». Не может Настя быть настолько стервозной, насколько кажется с первого взгляда.

— Да... да, конечно, — лепечу я, пытаюсь казаться приветливой. Улыбка выходит натянутой. — Они там, на горке. Красивое место, кстати, вид на карьер открывается шикарный.

— Чоп-чоп, поменьше слов, побольше дела. — Настя начинает взбираться по разбитой тропинке, ее походка спортивная, уверенная, в то время как я ковыляю, подобно раненой утке.

— Август... он классный, — рискую заговорить снова. — Заботливый товарищ, настоящий друг! Давно вы знакомы?

— А это тебя волновать не должно, — фыркает Настя коротко, с презрением, словно я назойливая муха. — Заботливый, значит? — бросает на меня скользкий взгляд. — Это тебя он тут нянчил, пока мелкий пальцы к болгарке совал? Красавчик, нечего сказать.

Слова ранят меня, пронзают сердце. Сцена мгновенно разворачивается перед глазами: крошечная ладошка и пухлые детские пальчики, тянущиеся туда, куда запрещено. Металлический скрежет хищно вращающегося диска оглушает, происходит рывок, слышен отчаянный вопль, а затем проливается кровь...

Я зажмуриваюсь, будто это может помочь стереть картинку из воображения. Настя же обходится без дрожи в голосе: ее тон лишен эмоционального окраса, а от сухой констатации фактов мне становится еще более жутко.

— О боже... — выдыхаю, чувствуя, как в груди что-то сжимается.

— Господь тут точно мимо, — отсекает Настя, даже не моргнув. — У Августа есть обязанности. Он отлично понимал, что не имеет права смыться из дома, оставив пацана одного в разгар строительных работ. Да еще и... — она делает затяжную паузу, подбирая слова, — тереться с какой-то деревенской потаскушкой.

«Деревенская потаскушка» — звучит унизительно, хоть и не ново. Мне приходилось принимать на свой счет оскорбления и посерьезнее, но внутри все равно что-то обрывается. Однако еще сильнее выводят из равновесия фразы «есть обязанности» и «оставив пацана одного». Меня начинает коробить от несправедливости.

— Что значит «одного»? Дома ведь была мама! — выпаливаю я, даже не поразмыслив, нуждается ли дискуссия в моих комментариях. Молниеносно встаю на защиту Августа.

— Мама? — Она закатывает глаза. — Ну ясно. Ты, наверное, и правда решила, что его жизнь — сахар? Может, подумала, что и для тебя в ней место найдется?

— Ни о чем подобном я не думала! Мы только познакомились! — ошетиниваюсь я.

— Считай, уже попрощались. Августу конец.

— О чем ты говоришь? Почему?

— Да Господи, что ж надо сделать, чтобы вбить тебе в голову: его мир не для тебя.

Она замолкает на секунду, а затем добавляет:

— Поверь, прожить жизнь и не пересечься путями с Голицыными — это настоящая милость. Благополучие Августа стоит так дорого, что ты не можешь себе и представить. Уноси ноги, пока не пришлось заложить душу дьяволу.

Слова Насти, брошенные столь беспристрастно, заключают меня в ледяной кокон. Чувствую, как на мгновение цепенею, а во рту проступает металлическая горчинка. Вкус страха и крови. Продать душу? Мой взгляд скользит по безупречному стану этой циничной особы, по ее идеальной коже, по дорогущей одежде. Спектакль. Она играет роль, чтобы напугать меня. Не на ту напала! Прибереги страшилки для кого-то другого.

Мы взбираемся на гору, я еле дышу, а у Насти, кажется, даже прическа не растрепалась. Видимо, волосы заламинированы и пропитаны кератином насквозь. Подхожу к сво-

ему «Аисту», ощущая себя окончательно разбитой. Хочется одного — рвануть сейчас прочь, залечь на дно в поселке и ждать, пока Август не напишет мне, что все обошлось.

— Вер! — Голос Насти, похоже, становится моим кошмаром, — вздрагиваю каждый раз, стоит ей заговорить.

Она сидит на велосипеде небрежно: одна рука на руле, другая — на поясе. Полуденное солнце очерчивает ее профиль, делает его еще более безупречным.

— Дай-ка сюда его футболку. — Она тянет руку, ведет себя деловито. — Высушу и передам Августу, чтобы хоть за нее не влетело. Отец у него... щепетилен к таким вещам.

Сердце екает.

— Да... конечно. — Я так усердно киваю несколько раз, что шею сводит.

Растерянно озираюсь, думаю, где бы переодеться. Пляж уже наводнился сорванцами разных возрастов: сигают в воду свысока, мельтешат под ногами, балуются. Грудь вывалилась из лифчика, ничто ее не прикрывает, раздеться здесь, у всех на виду, кажется безумием.

— Иди за бетонную плиту, — не теряется Настя, сразу отдает распоряжение. — Снимай майку, купальник... В мокром не доедешь, натрешь все до крови.

— Доеду, не привыкать. Не хочется оголяться в людном месте.

— Да кто тут увидит! Иди! Прикрою тебя твоим же сарафаном, а в конце быстро накинешь его — и дело в шляпе.

Впервые за весь день я различаю в ней что-то человеческое. Раз Август с ней дружит, значит, в ней действительно есть доброе начало. Да и Лёля показалась славной — они ведь тоже подруги. Скорее всего, Настя сейчас на взводе из-за инцидента на стройке, нового знакомства и внезапной необходимости делить внимание приятеля с новенькой пассией. Прислушаюсь к ней, и, может, это станет началом оттепели в отношениях.

Я снимаю с себя тяжелую, насквозь мокрую футболку Августа, аккуратно выворачиваю ее и протягиваю Насте. Та расправляет сарафан пошире и прикрывает мою тыльную сторону.

— Ага, давай теперь купальник! — бросает она невзначай.

Стягиваю белье, оно скручивается в жгуты. Расправляю его, передаю новой знакомой, а после, не глядя, пытаюсь нащупать руку Насти с моим сарафаном. Не нахожу. Поворачиваюсь, выглядываю из укрытия и вижу: Настя закидывает мокрые тряпки в корзинку, оставшуюся висеть на руле Августа, швыряет поверх мое потертое платье, седлает велик и дает по газам. Колеса буксуют на песке, камни летят из-под шин, но Настя умело направляет его точно в узкую, змеящуюся тропу, что уходит вниз по крутой стенке карьера.

Там, где я бы налетела на первую неровность и, скорее всего, перекувырнулась через руль, она съезжает почти беспрепятственно. Ветер треплет ее волосы, пыльный жар бьет в лицо, и в мгновение ока она исчезает за песчаными барханами.

Я стою обнаженная, без телефона, и только сейчас понимаю, что со мной произошло. Холодный ужас, стыд и абсолютная беспомощность сковывают меня. Я группируюсь, обхватываю себя руками, никну к земле. Солнце, еще недавно такое безобидное, теперь будто прожигает мою кожу. Крики мальчишек звучат все ближе, меня одолевает панический страх, а по щекам текут горячие, соленые слезы.

Это не просто нагота — с меня словно кожу содрали. Настя уехала, забрав с собой не только вещи, но и остатки моего достоинства.

17 человек из 100 опрошенных до сих пор мечтают побывать в космосе. Ты тоже?! Присоединяйся к экипажу «Теории большого срыва». Читать тут: <https://litnet.com/shrt/WzTE>

Глава 5. Надгробная плита

Сердце до сих пор болезненно сжимается, когда я мысленно возвращаюсь в тот день на карьере, а ведь мне давно не восемнадцать — мне двадцать три. Тело свое я выставляю напоказ ежедневно, это уже стало постылой рутинной: что посуду помыть, что сдать себя в цифровую аренду — разницы нет никакой.

Но как же хочется перенестись в то лето, обнять себя — растерянную, еще толком не умеющую противостоять ударам судьбы. Хочется сгрести себя в охапку, заверить, что мы все переживем, что нас ждет светлое будущее.

Только ждет ли оно? Где запропастилось мое прекрасное «далёко»?

В самом деле! А что бы я сказала неискушенной Вере, очутись я сейчас рядом с ней?!

«Да не парься, Верун, — усмехнулась бы я, — подумаешь, прелести свои напоказ выставила. Это круто, считай, бесплатная реклама! Не поверишь, как сложно будет в будущем настраивать таргет. Работай сейчас, детка, набирай клиентуру, пока ты так свежа».

Так бы я себя успокоила? Или все-таки промолчала, понимая, что от судьбы не уйдешь и ничего светлого не ждет несчастную девушку.

Солнце шпарит плечи так, будто кто-то прижимает к рукам раскаленную сковороду. Даже прикасаться к себе больно, пахнет потом и опаленной нещадными лучами солнца кожей. Волосы давно высохли, губы потрескались, во рту все склеилось. Я пытаюсь сглотнуть — не получается. Горло царапает, в голове стучит, ноги ватные. Сажу, согнутая пополам, уже много часов подряд.

Если кто-то из сорванцов-мальчишек заглянет сейчас за бетонную плиту, которую я теперь считаю своим надгробным камнем, они просто испугаются: их взору предстанет обваренный рак.

Голова кружится, в ушах высокочастотный звон, я то теряю сознание, то прихожу в себя, сжежившись под монолитным блоком. Ощущаю, что меня погребли в песок заживо.

Пронзительный крик чайки где-то над головой возвращает в реальность: я замечаю, как длинные синие тени от сосен медленно наползают на водную гладь, а воздух становится прохладным. На карьере почти не осталось людей, только ближе к воде несколько компаний вальяжно разжигают мангалы. С наступлением вечера становится легче дышать, и сознание понемногу проясняется.

Нужно добраться до любого контейнера. В груде хлама наверняка можно отыскать чем прикрыться: тряпки, рваные пакеты, может быть, даже забытое кем-то полотенце. Никому не позволю увидеть себя в неглиже, я никогда не превращусь в свою маму!

Плетусь обходными тропами, жмусь к кустам, а велосипед приходится буквально тащить на себе. Благо, навстречу ни души.

Вижу в канаве ворох мусора. Наверное, дачники пикничовали, сбросили хлам прямо на обочину и были таковы. Осторожно принимаюсь разбирать зловонные завалы, стараюсь не порезаться. Нахожу залитую чем-то прокисшим одноразовую скатерть, оборачиваю вокруг себя, подпоясываю в нескольких местах бечевкой, найденной в этой же куче. Чуть поодаль валяется недопитая бутылка воды. Я не знаю, что внутри, не представляю, кто касался ее губами, но смотрю на нее, и эта жидкость кажется блаженством. На мгновение даю слабину, но потом беру себя в руки, плетусь дальше. Доползу до дома и напьюсь прямо из-под крана.

Дом! Секундочку! А как же я в квартиру войду? Ключи остались в сарафане, телефон там же, и я понятия не имею, где искать Настю или где живет Август. Позвонить маме тоже невозможно, даже если я попрошу телефон у прохожих, она, скорее всего, загуляла на свадьбе

и вернется не раньше выходных. А то и вовсе задержится в Иваново на неделю-другую, ведь для тамошних жителей она пока еще интрига и сенсация.

Жажда отшибает мысли, бреду пешком от окраины Электростали, города, близ которого разлился карьер, до поселка. До него километров семь, не больше, но с последствиями солнечного удара, натертыми ногами и этим несчастным велосипедом, который даже оседлать нельзя, ведь скатерть слетит с меня в мгновение ока, путь растягивается на два часа. Темнота уже окончательно окутывает дорогу, а я все волочусь вдоль шоссе, вздрагивая всякий раз, как мимо проносится фура. Водители то и дело оглушают меня возмущенными сигналами: на мне нет ни единого светоотражателя. Они замечают мою измученную фигуру в момент сближения, вероятно, пугаются до смерти и, как следствие, что есть мочи жмут на свои клаксоны. Что ж, ни в чем не могу их упрекнуть.

Внезапный морозец бежит по коже, но мурашки эти не такие уж и безобидные. Чувствую, будто тонкие ледяные пальцы обхватывают мое запястье, сжимают кожу. Становится совсем страшно, ведь отрезок дороги, который я сейчас пересекаю, носит поистине дурную славу. Каждый житель окрестностей соседнего города — Электростали — может в красках поведать печальную байку. Причем рассказчики, все как один, преподносят легенду так, словно той страшной ночью видели случившееся собственными глазами. Я узнала историю еще в началке, когда мы с классом приезжали в Электросталь на соревнования — местные ребята с жутким азартом делились ею, как главной городской страшилкой.

Поверье родилось в середине девяностых. Очевидцы утверждали, что одной жаркой августовской ночью в слепящем свете фар различили фигуру, выскочившую на поле из пролески, ведущего к карьере. Неистово размахивая руками, девушка в белом платье неслась навстречу автомобилю, ее подол окаймляли алые влажные пятна. Губы кривились в безмолвном крике о помощи, а пальцы, казалось, пытались ухватиться за свет. Поговаривают, что шофер сперва даже притормозил, но потом испугался, резко дал по газам и скрылся за поворотом. Случайный водитель вскоре вернулся, да и помощь привел за собой, но к их приезду на траве остались лишь лоскуты ситца с бурыми разводами крови. Кем была та барышня и что с ней стало, так и осталось мрачной загадкой.

С каждым новым скрежетом тормозов мне кажется, что и я вот-вот стану частью этого предания.

Добираюсь до палатки с мороженым, прислоняюсь плечом к двери, стекаю по стенке и заливаюсь горьким плачем. Всхлипы истеричные, а слезы из глаз не текут, я обезвожена.

Внутри ларька вдруг вспыхивает свет, и обеспокоенный голос зовет меня по имени:

— Вера? Вера!

Узнаю бабу Нину и сипло мычу в ответ. Старушка распахивает дверь, ахает, охает, прижимает ладонь к солнечному сплетению. Достает из холодильника литровую бутылку воды, скручивает крышку одним движением и подает мне. Я пью так жадно, что чуть не захлебываюсь, наслаждаюсь тем, как живительная прохлада проникает внутрь; лью немного жидкости на шею, грудь, плечи, освежаю обгоревшую на солнце кожу.

— Душа моя, как же так... — Слова прерываются всхлипом, и я с ужасом понимаю, что вот-вот доведу мороженщицу до сердечного приступа.

Спешу ее успокоить:

— Заплутала, — выдавливаю улыбку. — Бывает, правда. Не переживайте так, вот только придумаю, как в квартиру попасть, и больше вас не побеспокою.

Нина Михайловна тянется к полке, в ее руках появляются мой телефон, ключи и сарафан. Застываю, не доверяя собственным глазам.

— Как?.. — От нахлынувших чувств перехватывает дыхание, я не то что начинаю плакать — реву как белуга от облегчения. — Откуда у вас мои вещи?

— Часов в шесть, прямо под закрытие ларька, на пороге появился твой московский дыхатель, — начинает она тихо, словно сама до конца не верит в то, что рассказывает. — Снаружи вроде как всегда, красавец, а присмотрелась: держится одной рукой за ребра, под носом кровь. Лицо целехонькое, но в глазах... — Она качает головой. — Я столько боли давно не видывала. Черепушка целая, а человек едва на ногах стоит. Из какой семьи этот паренек? Кто его родители?

— Я... я не знаю, — проговариваю, заикаясь.

Бабушка делает тяжелый вдох, я сразу пугаюсь, что ей не хватает воздуха. Смотрю пристальнее — руки сильно трясутся.

— Вот, принес твой сарафанчик, — продолжает она. — Достал ключи и телефон, умолял дождаться тебя, не закрывать палатку. Сказал, что сам не может тебя перехватить — должен ехать к брату в больницу. — Она заикается, тяжело опускается на стул. — Все время оглядывался, словно боялся, что кто-то застучает наш разговор. Денег оставил... ты себе не представляешь сколько! Палатка столько за неделю не выручает! Велел тебе тоже передать, вдруг в чем-то нуждаешься.

Продавщица хватается за сердце, потирает область груди — мне не на шутку становится за нее страшно, все-таки возраст. Беру ее за руку.

— Нина Михайловна, не надо тревожиться. Все хорошо, — стараюсь говорить как можно спокойнее.

Баба Нина стирает с морщинистых глаз слезы и устало выдыхает что-то несвязное:

— История повторяется... — причитает под нос. — Проклятые песочные часы вращаются, и мы вместе с ними. Вера, детка, не встречай. Держись подальше, береги кости.

Я уже не слышу ее, машинально киваю для вида, благодарю. Подхватываю сарафан, затем ключи. Прижимаю телефон к груди и плетусь к дому, чувствуя, как ноги становятся ватными, а в боку начинает сильнее колоть.

Вваливаюсь в квартиру, даже свет не включаю, бросаю все на пол и несусь в душ. Ледяная вода бьет по плечам и спине, стекает по коже, унося с собой липкую пыль, кровавый пот и соленые слезы. Намыливаю плечи и чувствую, как ладони скользят по бугристой поверхности — волдыри от ожогов уже начали вскрываться.

С головы до ног обмазываюсь пантенолом, накладываю влажные компрессы, обрабатываю лопнувшие мозоли на ногах, но мне уже плевать на боль. Мысли все время возвращаются к одному: что случилось с Августом?

Представляю пугающую сцену: белоснежная футболка с вышивкой-крокодилчиком, рука плотно прижимается к ребрам, и эта боль в глазах, которую баба Нина даже описать не смогла.

Кто-то бил его, делал это не впервые, ведь знал, куда наносить удары, чтобы не оставить улик. Ни единого синяка, способного привлечь внимание полиции, ни одной гематомы, чтобы медэкспертиза не нашла следов. Это не хулиган с улицы и не случайная драка — так работают те, кто умеет причинять вред и избегать последствий. Люди с опытом в охране, бойцы спецподразделений, бывшие военные или мастера единоборств, которых учили контролировать силу удара и точность попадания. Я слишком хорошо понимаю, как это работает: наставления одного из почетнейших маминых «кавалеров» не прошли мимо. Он любил рассесться на кухне и болтать о подвигах времен, когда работал в ЧОПе.

Опускаюсь на пол прямо у кровати, прижимаю колени к груди и пытаюсь собрать картину по кусочкам. Зачем? За что? И главное — сколько времени у него есть, прежде чем тот, кто это сделал, решит, что пора закончить начатое?

Мысли сбиваются: в висках стучит, тело бросает то в жар, то в озноб, голова тяжелеет. Я еще пытаюсь убедить себя, что это просто усталость, что стоит прилечь, и слабость отпустит. Но недуг вцепляется в меня мертвой хваткой.

Из 100 заложников у 8 возникнет привязанность к похитителю. Лучше прожить такой опыт на страницах книги, чем в реальной жизни. «*Философии падения*», читать тут: [тут:https://litnet.com/ru/reader/filosofiya-padeniya-b636415?c=8699981](https://litnet.com/ru/reader/filosofiya-padeniya-b636415?c=8699981)

Глава 6. Важный урок

Солнце лениво продирается сквозь пожелтевшую гардину, полосы света ложатся на монитор и клавиатуру, подсвечивают пятна на столе и пыль, танцующую в воздухе. В комнате душно и сыро, где-то далеко слышны раскаты грома, а во дворе воцарилась непривычная тишина, даже птицы смолкли, затаившись в ожидании бури.

Я открываю ноутбук, ставлю чайник, захожу на платформу курса по композиции. Сегодня у меня выходной, и день я планирую начать с ритуала: пять-шесть быстрых эскизов в тетради. Карандашом набрасываю условные блоки: заголовок тут, текст там, логотип сюда, не забыть оставить макету достаточно «воздуха». Своеобразная разминка для мозга, чтобы потом не тупить в программе.

Перехожу в цифру: создаю в «Фигме» новый фрейм под афишу, выравниваю все по сетке, выверяю отступы, промежутки, межбуквенные интервалы. Подбираю шрифтовую пару — часами могу ковыряться в каталоге, наблюдать, как кириллица ведет себя в различных шаблонах. Пальцы затекают от клавиатуры и мышки. Перетаскиваю блоки, меняю местами, сравниваю эскизы, смотрю, сочетается ли заголовок с изображением, не «спорят» ли они. На стене приколата памятка по типографике, ловлю себя на том, что по привычке поднимаю к ней взгляд, хотя каждый пункт давно знаю наизусть.

Чай остывает, на тротуарах начинают суетиться дачники и жители поселка, а я в потоке. Это та самая магия, ради которой все затевалось: когда из хаоса пикселей и линий рождается порядок и красота. Мне безумно нравится творческий процесс, кайф с чистого листа.

Но стоит отвлечься от ноутбука, как накатывает тревога. Чувствую, будто всю жизнь только и делаю, что опаздываю. На несколько лет. На курсе все такие же новички, но у многих уже по десятку работ в портфолио. Конкуренция бешеная даже на фрилансе. И главный вопрос, который гложет по вечерам, — где найти тех первых заказчиков, которые рискнут поверить и дадут шанс подняться с нуля? Где гарантии, что я добьюсь успеха в новой профессии?

Телефон тихо вибрирует, на экране вспыхивает ненавистное уведомление. Ремесло, в котором я действительно преуспела, манит назад в свои сети: новое бронирование. Сегодня выходной, но приложение не знает этого слова. Сообщение короткое: *«Твоя роль — наставница. Очки, пиджак, волосы собрать. Оплата двойная, если все пройдет без заминок».*

Иконка без лица, только серая тень и белый квадрат с вопросительным знаком, имя отправителя: «Андрей “Che” Катило».

Отбрасываю сотовый, стараюсь углубиться назад в лекцию, но виброзвонок не дает покоя: имя нового пользователя вспыхивает снова и снова.

Вздыхаю, фиксирую черновик, выполняю сохранение, сворачиваю «Фигму».

Кольцевая лампа на минимальную яркость, теплый свет, камеру опускаю чуть ниже уровня глаз. Фоном служит стена с обшарпанными обоями, но функция «размытия» в приложении превращает ее в модный арт-объект. Готово.

Надеваю пиджак из секунда и белую рубашку, расстегиваю пару верхних пуговиц. Волосы скручиваю в аккуратный пучок, главное — не дать ему понять, что я куда-то собираюсь, иначе точно развалится. Несколькими прядями обрамляю лицо, достаю из ящика компьютерные очки, тщательно протираю стекла.

Затем направляю подсветку в угол комнаты, чтобы в кадре проступили запылившиеся корешки: «Философия», «Логика», «Этика». На стол кладу механический карандаш, прозрачную линейку и леденец на палочке. Конфетами я запасаясь специально — мужчины среднего возраста тащатся от этой прикормки.

Принимаю входящий вызов, экран делится пополам. У заказчика скрыто изображение, слышен гул улиц, возможно, он в машине.

— Добрый день, Андрей, — моментально вживаюсь в образ, стараюсь звучать уверенно. — Вы почему на лекцию опоздали? Сейчас впишу замечание в журнал.

Легкий смешок за кадром, чувствую, ему нравится такое начало.

— Мне выйти и зайти нормально? — Он так и не показывает лицо.

— Входить нужно медленно, плавно, — отвечаю с нажимом, знаю, что слова звучат двусмысленно. Беру линейку, постукиваю ею по столу, как указкой. — У нас на уроках бывает жарко, рекомендую снять все, что может помешать концентрации.

Он замирает на секунду, и в этой внезапной паузе слышен шорох нейлонового ремня безопасности. Пружина легко сматывает ленту, а затем металлическая пряжка бьется о боковую часть салона. Годы работы с клиентами, которые предпочитают оставаться за кадром, научили меня читать звуки так же ясно, как слепой читает шрифт Брайля.

— Так, — командую, — садитесь ровно. Спина прямая.

— Не могу, слишком тесно, брюки давят, — усмехается он.

— Хотите, чтобы я оценку в семестре снизила?

Он шумно выдыхает:

— Только родителей не вызывайте!

— Тогда вызову вас. К доске! — Я беру леденец, снимаю обертку и медленно провожу карамелью по губам. — Отвечать будете устно, Катило.

Андрей издает не то смешок, не то стон и включает камеру, видимо, решив, что может мне доверять. Любой звук, срывающийся с моих уст, заставляет мускулы его лица неосознанно реагировать.

— Пишите задачу. Дано, двоеточие. — Я стучу пальцем по столу. — Важный орган у мужчин,

Очень им необходим.

Чтоб проблем с ним избежать,

Нужно знать, куда совать.

Клиент смеется, но послушно шепчет:

— Конец...

— Плохо, Катило! Дайте более конкретный ответ.

— Агрегат, прибор, штырь, — задыхается он.

— Андрей, мы что, на стройке?

— Стержень, достоинство! — С каждой фразой его голос становится все глуше, появляется надрыв. Камера чуть дрожит, и я понимаю, что клиент уже едва держит телефон.

— ЧЛЕ-НО-раз-дель-нее, — выговариваю я по слогам, с чувством, с толком, с расстановкой; гляжу прямо в экран. — Старательный студент заслужит поощрение.

Он шумно втягивает воздух, а на выдохе я получаю правильный ответ. Сбивчивый, отрывистый, будто каждая буква с трудом пробиралась сквозь связки.

Снимаю очки и слегка прикусываю дужку.

— Верно, — шепчу. — Ставлю «залет». Ой, простите, «зачет».

Мой урок заканчивается, на карту падает двойной гонорар, но удовлетворения от заработанного куша я не ощущаю. Наоборот, чувствую себя мерзко. В дизайне я стараюсь достигать гармонии: чтобы шрифт поддерживал картинку, чтобы линии сходились, чтобы зритель на уровне подсознания считывал золотое сечение. Мне всегда нравилось учиться, впитывать новые знания, применять их на практике. Но есть одна задачка, с которой мне до сих пор не под силу справиться.

Снова и снова я возвращаюсь к жизненному уроку, который так и не усвоила: душа — это единственный проект, в который стоит вкладываться. Я же упустила свой шанс сделать все правильно. И вот, как это случилось...

Тот ужас, что я пережила вчера на карьере, преследует меня и во сне. Я снова стою голая на жаре, тщетно пытаюсь прикрыться руками, а солнце палит так беспощадно, что по всему телу вздуваются волдыри. В ночных видениях я блуждаю по раскаленному песку, мне чудится, что он пробирается под кожу, течет по венам, обжигает изнутри. Меня колотит, суставы ноют, веки наливаются свинцом, температура зашкаливает. Сил хватает перевернуться на бок и снова провалиться в болезненный полусон, на этом мои подвиги заканчиваются.

Ночь сменяется днем, за ним снова приходят сумерки. Я уже и не тешу себя надеждой, что появится мама и позаботится обо мне. Сворачиваюсь комочком, пытаюсь побороть жар и жажду — ничего не выходит.

Добираюсь до ванной, приникаю губами к крану, глотаю теплую воду с привкусом ржавчины, потом ползу обратно в постель и забываюсь в бреду.

Где-то на границе сна и бдения из темноты вновь проступает иссохшее поле и знакомый пролесок, ведущий к карьере. Сквозь пожелтевшую стерню мне навстречу несется девушка в белом, подол ее юбки смочен вязкой субстанцией. Я тяну руки вперед, хочу помочь, стремлюсь уберечь, но пальцы проходят сквозь силуэт. Пашня вдруг исчезает, а на ее месте вырисовывается дверной проем моей спальни. Образ девушки растворяется, оставляя на полу и стенах мерцание: две бледные полосы выплывают из окна, ползут по обоям, огибают косяк и сходят на нет. Я сначала пугаюсь, а потом понимаю: это свет фар от машины, разворачивающейся во дворе.

Так проходят два дня. Мне кажется, что я не сплю и не бодрствую — я будто существую в пространстве между мирами. Изредка пугаюсь от того, что сердце бьется слишком быстро или, наоборот, замирает. В голове звенит, я вся липкая, волосы спутались, тело ломит.

На третий день, когда я уже не различаю, что сон, а что явь, вдруг раздается звонок в дверь. Звук прорезает тишину так резко, что сердце подпрыгивает. Я лежу и не верю своим ушам, сначала думаю, что мерещится, но звонок настойчиво повторяется. Мама? Неужто опять ключи потеряла?

Я собираю остатки сил и, едва держась на ногах, преодолеваю расстояние до двери. На ходу поправляю пижаму, ткань неприятно липнет к коже. Мои руки сами тянутся к замку — это движение, отточенное до автоматизма, единственная настройка в организме, которая еще работает без сбоев. Раздается негромкий щелчок — в гробовой тишине прихожей он звучит оглушительнее выстрела.

Следом накатывает всплеск адреналина, я будто чувствую удар под ребра, сердце колотится в паническом ритме. На площадке он. Август.

Смотрит на меня испуганными глазами, вытаскивает руки из карманов, подается навстречу. Лучи солнца из подъездного окна ложатся на его волосы, делают их светлее. Под футболкой угадывается тугая повязка.

Меня обдаёт жаром, но уже не от температуры, а от ужаса: он видит меня в таком состоянии. Взгляд блуждает по облупленным обоям в прихожей, ободранным кроссовкам у порога, пятнам на моей ночнушке. Грудь стягивает стальным обручем. Хочу раствориться, исчезнуть. На миг я застываю, как преступница, пойманная с поличным, а потом захлопываю дверь прямо перед носом Голицына. Машинально перебираю все замки, дергаю цепочку, щеколда встает на место, и только тогда я выдыхаю.

— Вер... — Его голос такой осипший. — Нина Михайловна сказала, что ты два дня не выбиралась из квартиры, и пояснила, где тебя искать. Я писал тебе. Черт, я очень за тебя волнуюсь. Ты как?

У меня горло сжимается, стыд давит сильнее болезни. Я цепляюсь за косяк, чтобы не упасть, и молю:

— Уходи. — Изнутри вырывается скрип, я давно не пользовалась связками.

— Виноват, знаю. — В его голосе звучит горечь, он с трудом подбирает слова. — Надо было приглядеть за тобой. Я должен был...

— Перестань. — Глотаю слезы. — Я взрослый человек, Август. Не надо этой опеки.

Слышу, как он делает шаг ближе к двери. Чувствую, как упирается ладонями в обшарпанную обшивку.

— Вер,пусти. Только температуру гляну, схожу за лекарствами. Я не оставлю тебя так.

— Август, мы уже достаточно сделали друг для друга, — сильные звуки рвутся сквозь пересохшие губы. Я не хочу, чтобы он или его брат пострадали из-за меня снова. — Хватит, отправляйся домой. Пожалуйста, просто уходи.

Я припадаю к глазку, устремляя все внимание на Августа. Вижу, как он задерживает дыхание, как борется с желанием возразить. Прохладная поверхность двери приятно остужает лоб, а в груди поселяется странное смятение: я желаю, чтобы он скорее ушел, но в то же время боюсь, что больше никогда не увижу его силуэт на своем пороге.

Угрюмая пауза затягивается. Пальцы Августа сжимаются в бессильный кулак, челюсть напрягается — я не отрываю взгляд от глазка и вижу, как яростная тирада порывается слететь с его языка. Воспитание, однако, не позволяет этому случиться — Август резко осекается и проглатывает ком в горле. Дышит часто, грудь высоко вздымается, и наконец он сдается, разворачивается, задевает бедром перила и уносится вниз по лестнице. Стеклоанная скважина пустеет, а из-за деревянного полотна доносится лишь прощальное эхо его шагов.

Сползаю вниз, прижимаюсь щекой к двери. Слезы прожигают кожу, но я не стираю их. В груди пустота, а в ушах, вопреки всему, упрямо звенит его голос: «Я не оставлю тебя так». Где-то в глубине моей души брезжит крохотная надежда: он не бросает слов на ветер, он найдет способ до меня достучаться.

За дверным полотном снова раздаются шаги, но не грузные, как у Августа, а воздушные, осторожные, будто кто-то порхает со ступеньки на ступеньку. Следом слышу вопрос:

— Верунь, ты тут? Это Алла, мама Августа. Открой, пожалуйста.

Я еще не знаю, как она выглядит, но ее присутствие согревает и успокаивает. В прозвучавших словах нет ни приказа, ни настойчивости — лишь мягкая просьба, полная заботы. В голосе теплится что-то... материнское. То, чего мне отчаянно не хватало все эти дни, пока я в одиночестве сражалась с лихорадкой.

Тут меня осеняет: я уже прогнала единственного человека, который пришел на выручку. Из-за стыда, из-за гордости. И что теперь со мной будет? Что, если мой организм не справится, а дверь так и останется запертой? От одной этой мысли по спине медленно пробегает холод, словно сама старуха-смерть касается меня ледяной рукой. Становится страшно до ужаса.

— Я понимаю, как тебе сейчас плохо. Позволь помочь, — продолжает Алла.

Замок поддается не сразу, будто потакает моим сомнениям. На пороге возникает худощавая женщина в светлой блузке и легком кардигане. Волосы собраны в аккуратный высокий хвост, на лице ни капли косметики, только усталость и доброта. Она сразу становится рядом, подхватывает меня под локоть.

— Девочка, дорогая... — еле слышно говорит она, будто боится причинить боль перепонкам. — Давай умоемся.

Я послушно опираюсь на ее тонкий стан. Облик кажется неземным: в движениях Аллы — легкость, в голосе — мягкость, перед глазами встает образ ангела, спустившегося спасти меня. Вода стекает по лицу, смывает пот и соленые слезы, ладони касаются почти по-матерински. Алла помогает переодеться в просторную футболку, которую достает из своей спортивной сумки. Я пытаюсь возразить, но губы не слушаются. И лишь в тот миг, когда ее лицо оказывается ближе всего, в сиянии чистоты проступает едва заметная капля дегтя — тонкий шлейф алкоголя, как горчинка в родниковой воде. Почти неуловимая, но я ее чувствую.

Комната словно преображается от присутствия моей покровительницы. Алла вытирает стол, убирает лишнюю посуду, раскладывает скомканные вещи — делает это так естественно, будто всегда знала, где привычное место для каждой мелочи в доме.

— Верочка, — наклоняется она ближе, глаза мягкие, внимательные, — близкие скоро вернутся? Кто-то будет с тобой?

Я мотаю головой. Она не задает лишних вопросов. Просто начинает собирать сумку: аккуратно складывает полинявшие джинсы, добавляет неказистое полотенце, берет мой старенький телефон и зарядку.

Алла поправляет на мне футболку, проверяет, удобно ли села ткань. Внимательный взгляд задерживается, изучает черты моего лица, и от этого я чувствую себя неловко, почти виновато. Я не заслуживаю такой заботы. Горло саднит, слова застревают, а в голове повисает вопрос: «Зачем ей все это?»

— Поехали к нам, — произносит она так же непринужденно, как если бы приглашала на чай. — Тебе нужно восстановиться, набраться сил.

Я опускаю глаза, собираюсь с духом, хочу возразить. Мысль о чужом доме пугает, но остаться одной еще страшнее. Кивок подбородком случается сам собой.

У подъезда ждет Август. Стоит, ссутулившись, в мыслях он где-то далеко. Только когда глаза встречаются с моими, его плечи чуть расправляются, а на лице проступает облегчение. Теплая улыбка пробивается сквозь измождение.

Рядом топчется Юлик, мальчик лет шести. Держится за штанину брата, стесняется, но в то же время с любопытством таращится на меня. Одна его ладонь крепко цепляется за ткань треников, вторая же, сплошь покрытая бинтами, машет мне.

— Привет! — смущенно пропискивает он, на розовых щеках проступают ямочки, такие же, как у Августа. Юлик пугается собственной смелости и тут же прячется за старшего брата.

Я пытаюсь улыбнуться в ответ, но взгляд невольно изучает травмированную руку: она перетянута повязками, и в полубреду мне чудится, что под марлей не хватает пальцев. Сердце болезненно сжимается.

Август помогает мне устроиться на переднем сиденье, осторожно пристегивает ремень и садится за руль.

До их дачи каких-то десять минут. Дорога ровная, окна чуть приоткрыты, в салоне пахнет химчисткой и смесями дорогого парфюма. Я закрываю глаза и не успеваю заметить, как засыпаю, убаюканная качкой машины и бархатными голосами ребят.

канал в телеграм: paloma_oklahoma

Глава 7. Стены замка

Грань между сном и явью размывается, и я уже не в силах отличить одно от другого. То чудится, будто я в своей комнате со вздувшимися обоями и скрипучей кроватью, то снова встречаю знойный полдень на злополучном карьере. Но стоит повернуть голову и открыть глаза, как сквозь пелену проступают очертания чужого быта: широкое окно, мебель из светлого дерева, дорогой текстиль. Сквозь тюль сочится теплый свет, на тумбочке притаился фужер со свежей водой, а чья-то заботливая рука поправляет подушку.

Я не до конца понимаю, сон ли это или кто-то взаправду приглядывает за мной? Из ниоткуда появляется женщина в белом халате: холодный металл стетоскопа поблескивает у нее на груди, а на моем предплечье фиксируется манжет тонометра. Я слышу отдельные фразы — «тепловой удар», «сильное обезвоживание» — и снова проваливаюсь в дремоту.

Иногда мне чудится, что приоткрывается дверь и на пороге возникает Август. Стоит молча, опершись плечом о косяк. Я не вижу его глаз, но чувствую, будто он хочет подойти ближе и не решается. В другие мгновения вместо него из проема выплывает тонкая фигурка в ситцевом платице. В такие моменты сердце начинает биться чаще, но стоит моргнуть — и передо мной пустота.

Не знаю, сколько суток я провела в доме Голицыных. В памяти мерцают разные картинки: Алла кладет на лоб прохладное полотенце, помогает сделать глоток воды, поправляет простыню. Несколько раз появляется доктор, ставит капельницы, а тем временем с улицы доносятся ребяческие визги и пение птиц.

Когда жар наконец спадает и тело перестает сопротивляться каждому движению, я приподнимаюсь на локтях. Мир обретает четкость: то, что раньше казалось размытыми контурами, теперь приобретает статные силуэты: гладкие стены из светлого бруса, окно от потолка до пола с золотистыми декоративными планками, за стеклом густая зелень сада и цветущая сирень. Легкий тюль пританцовывает от сквозняка, а солнечные лучи ложатся на постель так мягко, что хочется скорее подставить им лицо.

Я никогда не ночевала в столь красивом месте. Каждая деталь здесь — немое признание в любви. Белье пахнет лавандой и свежестью альпийского ветра — запахами, которые я различаю только благодаря пробникам диффузоров, представленным в торговых центрах. Взгляд скользит по прикроватному столику и останавливается на бутылке минеральной воды премиум-класса. Во рту проступает слюна, пальцы сами собой тянутся к запотевшему стеклу, но я вдруг замираю. Эта вода слишком хороша для меня. Изучаю пространство дальше: рядом тарелка с фруктами и новенький сборник стихов.

Вбираю воздух полной грудью, он напоен ароматами дерева, луговых трав и спелых ягод.

Все здесь говорит о доме в самом истинном значении этого слова. С первых минут пребывания чувствуется, что для хозяев ты не случайный визитер, а долгожданный гость.

Откидываюсь на подушку и ловлю себя на мысли: не хочу отсюда уходить. Никогда. Здесь безопасно, не нужно бороться за жизнь и можно спокойно дышать.

Вечером дверь приоткрывается, и Алла входит с подносом. Комнату сразу наполняет приятный аромат: домашний бульон и свежие булочки. Сажусь у журнального столика возле окна, крепко сжимаю чашку, чтобы ни капли не пролить, и наслаждаюсь насыщенным вкусом. На этот раз не боюсь, что кто-то заметит мою слабость.

— Не горячо? — мягко спрашивает хозяйка дома, а сама проверяет у меня температуру. — Пей понемногу, организму нужно время.

— Спасибо, — шепчу, голос звучит непривычно хрипло.

Алла устраивается рядом, заводит неторопливый разговор о розарии и палисаднике. Она мягко жестикулирует, убаюкивая меня невесомыми движениями рук. Ее взгляд лишен испы-

тующей остроты — в нем лишь тихая забота, она не пытается вывести что-то, а просто дарит мне уют и покой.

Наклоняется ближе, поправляет простынь, и на секунду от ее волос тянет сладкой горчинкой, как от ликера или настойки. Не успеваю я опознать этот запах, как он тут же растворяется в пространстве. Втягиваю воздух еще раз, перебираю возможные источники: спиртовая салфетка, микстура или антисептик. А может быть, просто показалось.

— У нас в саду еж завелся, — воодушевляется она. — Юлик его притащил, теперь требует выделить место под крышей. Я уверяю, что у игольчатого дела на свободе, а сын упирается: «Ему нужен дом».

Уголки моих губ вздрагивают сами собой, улыбка выходит робкой — чувствую себя этим самым ежом. Слушать Аллу приятно даже тогда, когда речь идет о ночных хищниках и детских капризах.

Я допиваю суп, возвращаю чашку на поднос и чувствую, как тяжелеют веки. Алла улыбается, задергивает шторы, выключает торшер и желает самых дивных снов. Опускаюсь на свежие простыни, а в груди немного щемит. Ощущаю, что оказалась на чужом празднике, куда меня позвали ненароком. Никто не торопит к выходу, но я понимаю, что мне никогда не стать частью этого быта.

Утро встречает уютным дождем, за окном поливает, а в комнату тем временем просачивается запах свежееиспеченных сырников и мятного чая. Где-то за дверью слышны голоса, звонкая возня. Юлик смеется так громко, что его хохот прокатывается волной по коридору. Я протираю глаза и диву даюсь, насколько отдохнувшей себя чувствую.

Массивная створка распахивается, как от порыва ветра, — в комнату протискивается сначала пятая точка Августа, которой он придерживает дверь, а потом остальное его тело. Осторожно, стараясь не пролить ни капли, он несет чашку дымящегося какао и пристраивает на тумбочке. Без слов, без предупреждений он подпрыгивает и всей тяжестью веса собирается обрушиться на кровать.

На полпути к матрасу его тело вдруг напрягается, а в глазах мелькает короткая паника. Я понимаю: он заигрался и забыл про ушибы. Полет оказывается слишком стремительным, а приземление — чересчур резким для травмированных ребер. Приглушенный выдох, больше похожий на стон, вырывается из его груди, но он тут же проглатывает его, превращая в неловкое «кхм».

Широкая улыбка, которую он выдавливают, получается напряженной; он маскирует это, растягивается вдоль матраса и игриво поглядывает на мою сонную мину.

— Ну что, Бесстыжева, — он энергичен, точно вместо апельсинового сока выпил залпом стакан солнечного света, — может, хватит валяться? Мы там столку разложили.

Я застываю. Его волосы растрепаны, на щеках румянец. От него пахнет землей и скошенной травой, должно быть, успел повозиться в саду до дождя.

— Август, — сиплю после сна. — Я и так уже слишком у вас задержалась... Пора домой. Где моя одежда?

Он фыркает и отмахивается:

— Ага, домой! Забудь! — В его глазах пляшут озорные искры. — У нас на тебя большие планы.

— Я серьезно... Твой отец, наверное, рвет и мечет. Считает, что из-за меня Юлик поранился.

Улыбка Августа меркнет, глаза темнеют, будто я надавила на свежую рану. Он поджимает губы, на секунду опускает взгляд, задумчиво заламывает кисти рук.

— Во-первых, ты ни в чем не виновата. Это я виноват перед тобой. — Он наклоняется ближе. — А во-вторых, Голицына-старшего до субботы не жди! Так что весь дом в нашем распоряжении.

Он хватает декоративную подушку и беспардонно шлепает меня по плечу. Я улыбаюсь, прячу лицо в ладонях, пытаюсь скрыть смущение. Август сдерживает смех, садится к изголовью, обхватывает мою голову руками и начинает тереть макушку, взъерошивая волосы.

— Вот это другое дело, — заливается он. — Улыбка тебе идет, Бесстыжева. А то напугала нас всех!

В дверях показывается Алла, качает головой, но губы плавно тянутся к ушам. Прямо за ней, вытянувшись на цыпочках, маячит Юлик: он выглядывает так, будто ждет появления Деда Мороза. Одна его рука все еще в бинтах, неужели так сильно порезался?

— Разбудил все-таки! — мягко сетует Алла.

— Ты хотела сказать, к жизни вернул, мам! — притворно виновато тянет Август, но ни секунды не выглядит раскаянным.

— Верунь, — обращается ко мне Алла, и ее слова трогают сердце: в этом прозвище слышится тепло, в котором хочется раствориться. — На столике в ванной я оставила все для умывания. И еще один маленький подарок. А ты, Август, дуй вниз — накрой на стол!

Август щелкает меня по носу и выбирается из кровати. В проходе он осторожно, чтобы не задеть больную кисть Юлика, разворачивает его, и они скрываются в коридоре. Смотрю ребятам вслед и думаю, что, может, именно так и выглядит счастье — непоседливое, шумное и от этого такое настоящее.

Сажусь на край кровати — ступни касаются прохладного пола — и еще раз осматриваю комнату. Хочу запомнить это утро, это место.

Проскальзываю в ванную — свет там мягкий, рассеивающийся, на мраморной столешнице меня ждет бумажный пакет из магазина «Гесс», я даже не слышала о таком, но по дизайну вижу: что-то дорогое. Разворачиваю сложенный вдвое джинсовый сарафан. Приятная ткань, насыщенный цвет и яркие отстрочки на карманах. В жизни не получала в подарок ничего более красивого! На раковине притаилась новенькая косметичка, еще с ярлыком, а внутри — крошечные баночки с умывалкой, лосьоном, кремом для сухой кожи. Вынимаю по одному тюбику и рассматриваю каждый, как сокровище. Больше всего мне нравится вишневый бальзам для губ. Его корпус напоминает отполированный речной камушек, а крышка с тихим щелчком притягивается магнитом. Я сжимаю его в ладони, и кажется, будто это не помада, а редкий самоцвет, который теперь принадлежит только мне.

Иду в душ, умываюсь нежной пенкой, использую по капле из каждой баночки. Не трачу, берегу, распределяю по коже экономно, как если бы растягивала любимое лакомство. Домашнее детское мыло «Тик-так» использую для всех частей тела! Душ смывает остатки невзгод, в помещении тепло, ароматно, по стеклу бегут тонкие струйки воды.

Полотенца — главное чудо. Они словно заключают лицо и плечи в бережные объятия. Я мягко промакиваю капельки на коже и представляю, что тело покрывают поцелуи Августа.

Сарафан садится точно по фигуре, нигде не жмет, не цепляется. Оглядываю себя в старинном зеркале и почему-то начинаю размышлять о том, сколько душ могло оставить в его глубине свой незримый след. На секунду представляю десятки пар чужих глаз, глядящих на меня с обратной стороны. Становится жутко, видимо, бред еще не до конца опустил. Тем не менее, облик мой прекрасен! В дорогих шмотках я смотрюсь ничуть не менее привлекательно, чем Лёля или даже Настя.

Выхожу в холл второго этажа и окидываю взглядом пространство. Кажется, его перекраивали множество раз: повсюду следы ремонта. Одну стену закрывает толстый слой отделки, другая обнажена и позволяет рассмотреть «начинку» здания. Сохранился каркас из вагонных досок; под потолком виднеются перекрестные балки, на торцах — следы старых крепежей.

Резные наличники с геометрическим орнаментом украшают массивные двери, а дубовая лестница хранит потемневшие отпечатки минувших дней.

Я медленно веду ладонью по поручню, отполированному временем и недавними усилиями реставраторов, а сама переносюсь в прошлое. Дом кажется чужеродным для окрестностей поселка. Вероятно, подобные строения могли позволить себе лишь те люди, кому торф приносил серьезную прибыль. Чувствуется размашистая планировка, окна огромные — будто хозяевам, жившим среди бескрайних болот, интуитивно хотелось впустить внутрь как можно больше света. Вспоминаю уроки краеведения: поселок действительно поднялся и окреп на торфяном промысле. Добыча шла почти целое столетие и заглохла ближе к девяностым. За это время коттедж словно впитал в себя смену эпох, а вместе с этим — звуки, запахи, образы и даже мысли.

На одной из стен, чуть в стороне от резного портала, дополняя безобидную композицию из часов с кукушкой и вышивки-гобелена, притулилось старое охотничье ружье. Предмет, в свойствах которого я, как ни странно, разбираюсь. Вскидываю брови и всматриваюсь пристальнее. Это не классический дробовик, а «переломка», которую когда-то мастерски переделали в обрез. Приклад укорочен до предела, но это лишь подчеркивает его brutальную форму — словно притихший хищник, он замер в позиции готовности. Сталь стволов — матовая, с синеватым отливом, а на металлической колодке угадывается гравировка. Это не обветшалый музейный экспонат, а полноценное боевое оружие, пропитанное порохом; уверена, им все еще можно воспользоваться. В доме обитает озорной ребенок, так что надеюсь, наследие тех, кто охотился на торфяных болотах, тщательно обезврежено.

Качаю головой, поражаясь обширности областей своего кругозора. А дело в том, что каждый из маминых ухажеров оставлял в моей памяти какой-то урок. И сейчас, глядя на эту двустволку, я с абсолютной ясностью знаю, как проверить, заряжена ли она. Помню, каким движением переломить стволы и как вложить холостые патроны. Знаю, какой вес ей положено иметь, даже почти чувствую холод приклада на своем плече. Всему этому научил меня один из самых преданных маминых «клиентов» — коренастый охотник, от которого пахло дымом и лесом. Общаться с молодежью он не умел, и наши разговоры всегда сводились к одной тематике: техника безопасности в обращении с оружием. Мы палили по тарелкам из травмата и гоняли на пейнтбол: в какой-то момент слово «промах» стало для меня понятием абстрактным. Я всегда попадала в цель.

Когда он собирался на охоту, я делала все, чтобы помешать ему загубить живность, а вот знания, между делом, мотала на ус: мало ли при каких обстоятельствах придется за себя постоять.

Горько усмехаюсь: неужели хозяева даже не подозревают, с какой легкостью этот предмет интерьера способен уничтожить зыбкий уют?

Перевожу взгляд — внизу меня ждет столовая, наполненная теплом, светом и смехом. На скатерти красуется изысканный советский сервиз, видно, что хозяева бережно сохраняли его на протяжении десятилетий. На широком блюде дымятся сырники с золотистой корочкой, рядом — пузатый кувшин с молоком и миска с черникой. Алла ловко переворачивает лопаткой последние два творожных оладушка и приглашает присесть. Август по-джентльменски отодвигает стул, а Юлик все крутится рядом и рассматривает меня с интересом. Кисть с чистыми свежими бинтами он осторожно придерживает второй рукой.

— Привет, — робко выдыхает он и сразу прячет взгляд.

— Привет. — Я усаживаюсь и протягиваю мальчишке чашку с черникой. — Любишь ягодки?

Он осторожно загребает горсть, сует лакомство в рот, промахивается, пачкается и довольно улыбается, демонстрируя мне заляпанную соком моську. Я кладу ему на тарелку самый большой сырник и собираюсь полить медом.

— Юлик, ты что, с дамой вздумал кокетничать? — встречает Август.

— Ага, — уверенно добавляет Юлик и смотрит на меня пристально. — Но мед мне нельзя. У меня все в полосках будет.

— Аллергия, — мягко поясняет Алла. — Вера, бери варенье. Вишня своя, столько ягод в прошлом году собрали!

Разламываю горячий сырник и заливаю ароматным джемом; пар поднимается кверху, и у меня сводит желудок. Скорее бы попробовать яство! Тепло расплзается по телу, я ловлю себя на том, что ем медленнее, чем обычно, растягиваю каждую вилочку.

— С тебя тост, — подмигивает Август и наливает в фужер сок.

Все глядят на меня с любопытством, а я смущаюсь, подбирая слова.

— Спасибо, что приглядели за мной. Я, кажется, никогда не чувствовала себя так спокойно.

Алла улыбается и трясет плечами, будто освобождается от напряжения. Юлик кладет ложку, тянется к моему уху и шепчет.

— А ты останешься? Мы в «Каркассон» поиграем, я построю тебе самый большой замок.

— Уговорил, — отвечаю. — Но сначала смоем твои ягодные усы?

Садимся за настольную игру. Юлик, сдвинув брови, объясняет правила с такой обстоятельностью, будто посвящает меня в древние тайны. Пальчиком он уверенно ведет по картонному полю, размечая будущие дороги, монастыри и города. Речь льется так складно, что я забываю, что мальчишке лет шесть или семь, меня покоряет железная логика этого маленького стратега. Под неторопливым руководством Юлика на столе медленно вырастает наше общее королевство.

Август же, вопреки наставлениям, ставит свои плитки куда попало, ломает стройный замысел младшего брата и делает игру практически непредсказуемой.

— Моя королева, — он отвешивает учтивый поклон, — примите этот замок в знак преданности.

Юлик сердито фыркает и в сердцах сбрасывает фишки братца на пол. Очевидно, его крайне задевает варварская небрежность и бесчестные относительно правил игры манипуляции.

— Август, ты *это* называешь замком? Какой-то полуразваленный склеп!

— А мне нравится! — заступаюсь я за вновь приобретенные земли. — Юлик, ты не можешь в полной мере оценить дар, потому что сам живешь в замке! У меня картонный, а у тебя тут настоящая крепость!

Я описываю широкий круг руками, очерчивая высокие потолки, массивные дубовые двери и витражные окна.

— Да уж, та еще крепость. — Алла подбирает с пола разбросанные фишки. — Этот дом начал строить прадед моего... — Она делает паузу, словно не хочет упоминать какого-то человека. — Прадед моего мужа. Торф, лес, мастерские. Множество людей трудилось у него в найме в те времена. Годы шли, болота осушались, и к владениям постепенно стали подселяться дачники. Муж рос здесь вместе со своим братом. Каждый раз, как смотрю на препиранья Августа и Юлика, представляю, как прежние двое мальчишек — Дима и Денис — носились здесь по лестницам, дрались, спорили, не могли поделить, кто будет спать в башне... И чем это кончилось...

Август закусывает губу. Его взгляд опускается к столу, пальцы перестают теревить картонные карточки. Вечная легкая усмешка сходит на нет, и я поражаюсь метаморфозам.

— Стены крепкие, — вдруг добавляет Алла тихо, почти про себя, — а счастье все равно утекает, как песок сквозь пальцы.

Она резко замолкает, будто ловит себя на том, что сказала лишнего, и принимается аккуратно выкладывать фишки на стол, формируя из них идеально ровную колонну. Взгляд ее ускользает в сторону окна, словно за ним действительно движутся тени прошлого. Я ощущаю неловкость: от этой незаконченной истории веет чем-то трагичным.

— У вас очень по-семейному, — тихо заключаю я. — Спасибо, что приютили.

— С тобой стало как-то светлее.

«Как-то светлее», — повторяю я про себя, и, как по мановению волшебной палочки, комната озаряется ослепительной вспышкой. Солнце, до этого с трудом пробивавшееся сквозь рваные облака, наконец вырывается наружу и своим призрачным теплом начинает щекотать мне щеку. Золотистая полоса скользит по коже, и я ощущаю нежное, почти материнское прикосновение. Теплая рука, словно преодолевшая пространство и время, обнимает меня, и я будто наяву снова слышу смех Юлика, принимаю заботу Аллы и теряюсь во взгляде Августа.

Моргаю и пытаюсь понять, сколько минут я провела, витая в облаках, а солнечный проводник тем временем меркнет. Мир за окном стремительно погружается назад в тень: небо словно перекрывает крышка свинцового люка, а приближающиеся раскаты грома гонят прочь воспоминания о безмятежном утре в доме Голицыных.

Люди на улице ускоряются, смешно семянят, прячутся под навесами, а первые тяжелые капли стучат в мое окно, точно призраки: напоминают, куда могут завести опрометчивые мечты.

Механически набираю на клавиатуре команду, сохраняю макет и закрываю ноутбук. Стук дождя нарастает, превращается в монотонный рокот. Прислушиваюсь к непогоде и понимаю: тот завтрак был последним глотком свежего воздуха, перед тем как все пошло прахом.

канал в телеграм: paloma_oklahoma

Глава 8. Признание

Мы доигрываем без спешки, дождь барабанит по крыше пуще прежнего, а в гостиной Голицыных тепло и сухо. Ароматный пар от кружек тянется к потолку, и я чувствую, что чрезмерно проникаюсь атмосферой этого старинного дома.

Перед обедом появляется доктор. Снимает часы, моет руки и приступает к делу: слушает мою грудную клетку, меряет давление, просит показать язык, а после щедро распыляет пену на ожоги.

Далее наступает очередь Юлика. Врач аккуратно, слой за слоем, разворачивает бинты. Я стараюсь не быть навязчивой, но не в силах отвести взгляд — сгораю от необходимости узнать, чего стоила малышу наша с Августом велопогулка. Его кожу цвета переспелой сливы пронизывает зигзаг темных, загрубевших ниток; у основания большого пальца виднеется еще один косой шов. Всю кисть окаймляет йодный ореол, ткани заметно припухли, но я успеваю отметить главное — пальчики целы. От пережитого зрелища к горлу подкатывает тошнота, кисловатая и противная. Чувствую, как начинает кружиться голова, и делаю большие глотки воздуха.

Сам же Юлик неосознанно ссутуливается, но не ужасается виду крови. Смотрит на искаленную руку с каким-то отрешенным, почти научным интересом, будто это не его плоть, а какой-то арт-объект. Губы плотно сжаты, в уголках глаз ни единой слезинки. Мое сердце сжимается от щемящей боли и безумной гордости за этого маленького храбреца.

Доктор кивает Алле — мол, все обошлось, динамика хорошая, — и фиксирует свежие повязки. Когда последний слой скрывает отвратительную реальность, Юлик расправляет плечи, словно готовится принять награду за храбрость, и взаправду получает от Августа презент: старший брат надевает ему на шею винтажный компас на плетеном шнурке.

Юлик замирает, его глаза широко распахиваются. Улыбка рвется наружу, он в нетерпении прикусывает губу и кивает слишком серьезно для своих лет.

— Спасибо. А что это?

— Это прибор для ориентирования. Позже расскажу, как им пользоваться! — держит интригу Август.

— Вер, ты уж прости, мы поковырялись в твоём телефоне: искали номер мамы, — невзначай сообщает Алла. — Я ей дозвонилась, но не стала волновать и вдаваться в подробности. Сказала, что ты гостишь у нас, набираешься сил после солнечного удара. Она вернется в поселок к вечеру и наверняка захочет тебя видеть.

Август не сводит с меня глаз.

— Раз времени у нас всего ничего, надо составить план, — оживает он. — Сначала покажу тебе мастерскую, потом приготовим попкорн, а после обеда завалимся смотреть кино на чердаке, у меня есть проектор.

— После обеда — сон, — мягко поправляет Алла. — Врач настоятельно рекомендовала всем побольше отдыхать. И Вере, и Юлию, и тебе это будет полезно, Август. Ты про лекарства свои не забыл?

— Мам!

— Будет сделано, — вклиниваюсь, не давая Августу даже рта раскрыть для протеста: мне мил любой распорядок в этом доме. А если дремота настигнет в тепле крепких объятий Августа, то пускай весь мир подождет.

Щелчок выключателя — и тусклый свет бра выхватывает из темноты уютную, обжитую картину: низкий столик, натянутая на самодельную раму простыня, выдавший виды ковер — вероятно, еще одна из многочисленных реликвий этого дома — и груда новеньких подушек.

Слишком уж все продумано для спонтанного киносеанса. Интересно, скольких девушек Август уже приводил сюда? Витал ли здесь, под самыми стропилами, звонкий смех Насти? Прижималась ли она к его груди, испугавшись фильма ужасов, и чувствовала ли, как его тело отзывается на прикосновения?

Взгляд скользит по массивной балке над экраном, и я замечаю поблекшую надпись, вырезанную перочинным ножом: «*Фиса + Д. = навсегда. 1995*». Простые, чуть угловатые буквы и знак сложения, соединяющий два сердца навеки. Чьи-то самые важные в жизни слова были увековечены здесь, на поверхности полувековой древесины, и теперь мы с Августом — единственные, кто ведаёт об этом признании.

— Что смотреть будем? — Он заканчивает разглядывать зарубку, поворачивается ко мне, и луч проектора выхватывает из полумрака идеальные линии скул, беззаботно взъерошенные волосы и теплый блеск в глазах. Я задерживаю дыхание, обескураженная красотой мгновения. — Хочешь посмеяться или порыдать в подушку?

— Посмеяться, — выдыхаю я, и внутри все переворачивается от той медленной, лукавой улыбки, что появляется на его губах. — Из-за чего порыдать я и сама найду.

— Принято, значит, бессмертная классика. Она точно не подведет.

На простыне возникает логотип студии, и вот уже по экрану мчится «ДэЛориан», оставляя за собой шлейф огня. Август устраивается рядом, укрывает меня пледом, а между нами остается ровно столько пространства, сколько нужно, чтобы дышать.

На экране мелькают стрелки и циферблаты, кричит безумный ученый, а мы сидим под самой крышей, и в мире нет ничего, кроме нас, этого чердака и старого фильма.

От уюта и умиротворения веки начинают тяжелеть, и моя голова сама собой ложится Августу на плечо. Он будто ждал этого момента: чуть сползает вниз, чтобы мне было удобнее, и невесомым движением приглушает звук, понимая, что сейчас важнее не фильм, а мой покой.

Комедия на экране продолжает крутиться, я чувствую, как Август сдерживает смех, боясь спугнуть окутывающий меня сон. Под одеялом он нащупывает мою руку, не сжимает, а просто накрывает своей и согревает холодные пальцы.

Шум дождя куда-то исчезает. Открываю глаза, осторожно потягиваю конечности, а во внезапно сложившейся тишине различаю ровное, глубокое дыхание Августа. Его голова склонилась на грудку подушек, губы чуть приоткрыты, а на щеках играют отсветы бегущих по экрану финальных титров. Он спит так беззаботно, словно набегавшийся за день ребенок, и от этого зрелища у меня внутри разливается щемящее тепло. Даже во сне он не отпускает мою руку.

Мне нужно попить, врач сказала, сейчас критически важно соблюдать водный баланс. Осторожно, стараясь не потревожить Августа, я высвобождаю пальцы и выбираюсь из уютной обители. Он вздыхает, шевелится, но не просыпается. На цыпочках спускаюсь по скрипучей лестнице, придерживаясь за перила.

Из гостиной доносятся приглушенные голоса. Один принадлежит Алле — ровный, лишенный эмоций, — другой, до ненависти знакомый, — Насте. Ледяная струя пробегает по спине. Что она здесь делает?

Я замираю за поворотом к кухонной двери, в секции коридора, откуда видно часть происходящего. Еда уже на столе, все накрыто к обеду. Алла стоит спиной ко мне, по напряжению в линии ее плеч ясно, что она сдерживает себя. Настя — позади, у стола. Она чуть съеживается, будто пытаясь визуально стать меньше. Руки скрещены на груди в защитной позе, на ее обычно бесстрастном лице читается растерянность и легкая паника.

— ...я просто... Алла Георгиевна, я могу все объяснить...

— Объяснить что? — Голос Аллы тихий, но каждый звук в нем заточен, как лезвие. В нем нет и тени привычной мне мягкости. — Как ты объяснишь, что бедная девушка чуть не погибла?

Мое сердце замирает, а Настя обессиленно разводит руками, ее голос срывается:

— Погибла?! Сильно сказано, вам не кажется? Алла, иногда иллюзия тепла, которую дарит ваш семейный «очаг», может оказаться разрушительнее любого испытания на прочность. А все вещи я отдала, девушка цела.

— Настя, мне страшно от того, что человеческая жизнь для тебя — шутка. У меня взрослый сын, я никогда не указывала ему, с кем общаться, но сейчас я впервые это сделаю. Не хочу, чтобы ты когда-либо появлялась на пороге этого дома или в поле зрения Августа.

Алла расправляет плечи, разворачивается, делает шаг Насте навстречу и указывает на дверь. Настя непроизвольно отступает.

— Алла, я... Мне надо поговорить с Августом. — Она опускает глаза. — Он должен меня выслушать!

— Не подлежит обсуждению. Ступай.

В груди у меня расцветает горячее и светлое чувство. Я благодарна за защиту. Впервые в жизни кто-то влиятельный и справедливый встал на мою сторону. Но я также чувствую здесь какое-то подводное течение. Что-то не бьется в словах и поступках.

Настя вскидывает подбородок, инстинктивно расставляет ноги на ширине плеч, словно атлетка, готовящаяся к схватке.

— Не подлежит обсуждению? Да как вы смеете учить меня ценности человеческой жизни, когда сами чуть не угробили сына?

Пространство на кухне наливается тяжестью. Алла бледнеет, ее рука непроизвольно тянется к сушилке для посуды.

— Вон! И чтобы я больше никогда тебя здесь не видела.

— Все подмечают, что у вас трясутся руки по утрам. Соседи судачат о том, каким образом шестилетний мальчишка умудрился угодить на стройку. А все потому, что мамаша не в состоянии обеспечить безопасность собственному ребенку!

Повисает гробовое молчание, и Настя медленно отступает к выходу. Ее подбородок вздернут, а взгляд надменно скользит по лицу Аллы: каждым движением она старается подчеркнуть собственное достоинство. Дверь за ней захлопывается с таким грохотом, что полка с посудой на стене начинает ходить ходуном.

Алла сжимает кулаки так, что ногти впиваются в ладони, а кожа на костяшках мертвенно белеет. Она застывает в неподвижности, и в этой ледяной статике я вдруг вижу прообраз ее вечности. Мысль находит неожиданное продолжение: в конце пути каждого из нас действительно ждет холод надгробного камня. Впрочем, Голицыны-то у нас не простые — их удел не скромная плита, а величественное мраморное изваяние, но от осознания этого не легче. Однажды эту хрупкую женщину заменит бездушный памятник — мне становится не по себе.

Пальцы Аллы нащупывают хрустальный бокал. Она берет его почти машинально, не отрывая взгляда от окна, где сквозь живую изгородь можно различить удаляющуюся фигуру. Медленно, почти как дирижерскую палочку, она поднимает фужер, а затем коротким, яростным движением швыряет о дверной косяк.

Алла позволила себе выпустить пар, но сделала это только тогда, когда окончательно убедилась, что Настя на безопасном расстоянии.

Бокал рассыпается на десятки мелких осколков, которые искрятся в полосе света. Алла тяжело опирается ладонями о столешницу и низко опускает голову. Я не знаю, рыдает она или просто восстанавливает дыхание, но понимаю, что сейчас она никого не хотела бы видеть, и бесшумно устремляюсь назад на чердак.

Протискиваюсь под крышу, стараюсь унять дрожь во всем теле, инстинктивно растирая озябшую кожу. Сердце стучит где-то в горле. Отдвигаю занавеску на входе, ожидая увидеть спящего Августа, но в нашем гнездышке пусто. Плед скомкан, подушки разбросаны по полу.

— Август?

— Я тут. — Соблазнительный голос раздается откуда-то сверху.

Задираю голову. Он стоит на стремянке прямо под самым коньком крыши. В одной руке у него раскрытый перочинный нож, другой он держится за балку. А на старой, потрескавшейся древесине, рядом с выцветшей надписью «*Фиса + Д. = навсегда*», теперь можно различить еще одно художество: геометрическое сердце, а внутри знаки — «*B+∞*».

У меня перехватывает дыхание. Чувствую, как по щекам разливается густой румянец, будто я снова оголилась на публике.

— Ты что это удумал? — фраза срывается с моих уст нелепо и восторженно.

— Сможешь разгадать ребус?

— «Вера» плюс «бесконечность»? — вопрошаю саркастично. — Ты что, решил актуализировать к взысканию сумму, которую я задолжала вам за стационар на дому? Бесконечную сумму?

Август прыскает со смеху, его колени подгибаются, и он упирается лбом в балку, чтобы удержать равновесие. Ощущаю, как у самой уголки губ непроизвольно ползут вверх — радостно, что мое чувство юмора ему так откликается.

— Это не «бесконечность». Это немного покосившаяся «восемь», — чуть разочарованно поясняет он. — Ну, типа «август», восьмой месяц.

Я невольно улыбаюсь — мне льстит подобное проявление тепла. Мгновение спустя ловлю себя на том, что дала слабину, и надеваю безразличную маску. Мои глаза преувеличенно закатываются.

Он крутит ножик в пальцах, ловко складывает и начинает спускаться. Движения кажутся скованными, будто даются через силу. Вместо того, чтобы прыгнуть с последней ступеньки, как это сделал бы любой повеса на его месте, Август осторожно ступает на пол, его лицо на мгновение искажает гримаса боли. Слышу глубокий вдох, губы плотно сжимаются, а ладонь осторожно ложится на живот, точно он проверяет, на месте ли внутренности.

«*Ты про лекарства не забыл?*» — эхом всплывает в голове голос Аллы, и кусочки пазла, затерявшиеся в пучине моего собственного недомогания, начинают складываться в тревожную картину: слова бабы Нины про то, что он держался за ребра и про кровь под носом; эта неестественная скованность в движениях; тугая повязка, проступающая из-под футболки. Кто-то бил его в тот вечер... Жестко и изощренно.

— Что за бинты на тебе? — выпаливаю внезапно даже для себя. Голос звучит тревожнее, чем я планировала. — И о каких препаратах говорила твоя мама? Август, ты в порядке?

— А разве не видно? — Он подходит так близко, что я чувствую исходящее от него тепло. Чердак пахнет деревом, дождем и чем-то неуловимо приятным. — Вот, застолбил нам место в истории. Теперь мы тут навсегда.

— Не переводи тему. А это, — я тычу пальцем в свежую «наскальную живопись» и пытаюсь сделать строгий вид, — вообще вандализм.

— Это летопись, — поправляет он. Его пальцы осторожно касаются моей щеки. — Через сто лет кто-нибудь найдет надпись и будет гадать, кто же такие были «В» и «восемь» и как сложилась их судьба.

Я поднимаю на него взгляд. Луч проектора выхватывает из полумрака красивое лицо — почему-то серьезное, без тени насмешки. В его зрачках мерцает призрачное сияние киноаппарата. Все мое тело обмякает, и я поддаюсь сладкой слабости в коленях. Смотрю на него и в который раз тону в этом бездонном, игривом омуте.

Его рука скользит по моему плечу, пальцы вплетаются в волосы. Он притягивает меня к себе, но не настырно, дает шанс возмутиться, отпрянуть. Однако мое тело отвечает тихим согласием, и я доверчиво делаю последний шаг.

Второй поцелуй напоминает падение в чарующую пучину. Земля уходит из-под ног, а мир сужается до точки соприкосновения наших губ. Он не спешит, легко ласкает меня языком

и, едва касаясь, гладит по спине. В висках стучит, а в ушах все еще стоит звон разбитого хрустального бокала.

Кажется, этот поцелуй длится вечность; у меня кружится голова, и я отстраняюсь, чтобы глотнуть воздуха, а на его губах начинает играть та самая лукавая улыбка, от которой у меня сердце трепещет в груди.

канала в телеграм: paloma_oklahoma

Глава 9. «Девятый»

— Вера! Ты тут жива вообще? Скрючилась за компом своим. Сидишь весь день безвылазно! — В дверь влетает Дашка, вся на позитиве, словно перезарядила где-то свои солнечные батарейки. — Бежим скорее в «Девятый», а то упрут все слойки по скидке!

Она уже натягивает потертую джинсовую куртку поверх мужской футболки с принтом какой-то забытой группы. Ее рыжие кудри сегодня собраны в небрежный хвост, из которого вот-вот вырвется на свободу половина пружинок.

— Даш, может, ну их? — осторожничаю я.

Не люблю покидать наше логово. Выбираться на улицу я стараюсь по минимуму, поэтому-то и держусь за удаленную работу.

— Сегодня пятница, народ уже потихоньку начинает «гулять», — пытаюсь припугнуть Дашку местными авторитетами. — Опять эти ребята заезжие будут у магазина тереться.

За окном быстро темнеет, а на асфальте от проливного дождя остается лишь блестящая гладь с масляными разводами.

— Ага, счаз! Из-за каких-то удотов оставляешь меня без углеводов? — неумело плетет она рифму, выскакивает в коридор и напяливает каблуки. Иногда мне кажется, что она носит их исключительно с целью использования в качестве оружия. — Давай, пошевеливайся, булочки за полцены сами себя не съедят!

Ее глаза горят азартом полуночной охоты за скидками, а энтузиазм заражает.

— Ладно, ладно, — сдаюсь я. — Только быстренько.

Воздух, еще недавно густой и обжигающий, теперь ласково холодит кожу, а с тротуара поднимается умиротворяющий запах мокрого асфальта — недавний ливень сумел-таки при-смирить разошедшийся за несколько дней летний зной. Поселок праздно оживлен, пятница у нас официально приравняется к всенародному гулянию: из открытых окон машин гремит музыка, из частных дворов доносится запах жареного мяса и раскатистое мужское гоготание. Мы идем быстрым шагом — до закрытия магазина всего полчаса, — и я невольно тушуюсь, стараясь не привлекать лишнего внимания.

— Расслабься, — шепчет Дашка, ловко маневрируя между лужами. — Сегодня мы просто две дамы, спешащие за булками. Никто нас не тронет, я тебе обещаю.

У железнодорожной станции на самом краю поселка располагается магазин, который местные величают «Девятым». Это «погоняло» претит не только налоговым документам, в которых указано иное название, но и выцветшей вывеске с надписью: ЗАО «Высшая Лига». Поговаривают, будто «Высшая Лига» — это не просто фирма, а целый клуб элитных предпринимателей. Двадцать с лишним лет назад, скуки ради, они заключили пари: договорились купить по захудалой лавке в разных уголках Подмосковья, а на депозитный счет в банке скинули по баснословному кушу. Условия состязания были просты: чья торговая точка вытеснит конкурентов и останется на плаву, тот владелец и обналичит солидный гонорар вместе с подросшими, точно на дрожжах, процентами!

Поначалу это была простая забава для скучающих молодых бизнесменов, но с годами игра обратилась кровавой бойней: случались и поджоги, и налеты, но самое страшное — загадочные исчезновения участников доли. Легенда гласит, что в живых остался лишь один учредитель — владелец точки, числящейся в реестрах под номером девять. Оттого-то магазин и величают «Девятым»! Его хозяин — последний свидетель той странной битвы, а местные любители почесать языками до сих пор клянутся, будто вплоть до двухтысячного года из подвального бункера, что считается владением «Девятого», доносились голоса неприкаянных призраков. Секретом, откуда берет свое начало эта легенда, я дотошно интересовалась несколько лет назад, даже кое-какие наработки сохранила. Но сейчас стараюсь те дни не вспоминать.

Чтобы добраться до «Девятого», нужно пересечь центральную улицу, обогнуть бетонный пятачок с цепью ушатанных лавочек — главную точку сбора местной молодежи, — выйти на шоссе и минут десять чапать пешком до самой станции. Освещение на протяжении всего пути крайне скудное, так что по вечерам я предпочитаю не соваться в «Девятый». Там и местные любят пригубить пузырек, не отходя от кассы, и дачники закупаются спиртным целыми ящиками, параллельно выбивая скидку за опт. В общем, так себе контингент.

Почти бегом добираемся с Дашкой до злачного места. У входа, как и ожидалось, кучкуются пришлые вахтовики — от них за версту несет перегаром и дешевым табаком. Громкие споры о футболе стихают, когда мы проходим мимо, отчего у меня возникает острое желание втянуть голову в плечи. Кидаемся внутрь еще до начала бесперспективного диалога.

— Девчата, красотки! — так и светится тетя Люда, едва мы переступаем порог. — За бубликами с красными ценниками пожаловали?

— Теть Люд, вы как всегда читаете наши мысли! — Дашка расцветает в улыбке и тут же хватается с полки лоток с заветными пышками. — И дайте две пачки творога с изюмом, пока Васька из третьего дома не прибрал все к рукам.

— Так Васька со вчерашнего дня на диете, — смеется тетя Люда, проводя влажным пальцем по краю полиэтиленового пакета, чтобы разделить склеившиеся стенки. — Говорит, есть после шести нельзя, углеводы не успевают расщепляться.

— Вот тебе на. Ну все, это возраст! — встречаю в разговор я, чувствуя, как тревога потихоньку отпускает. — Видать, готовится третий десяток разменять.

Дашка с продавщицей дружно прыскают со смеху. Я тем временем прикладываю карту к терминалу и подхватываю аккуратно собранный тетей Людой пакет.

— Все через это проходили, — с грустинкой в голосе заключает она. Тяжелый вздох становится отправной точкой ее моноспектакля о молодости, здоровье и временах, которые не вернуть.

Тетя Люда так забалтывает нас, что мы торчим в ларьке до самого закрытия. Вместо сумерек за окном воцаряется кромешная тьма, но нет худа без добра: на смену хриплому смеху вахтеров наконец приходит тишина.

Мы выдыхаем, жуем булки на ходу и почти вприпрыжку преодолеваем треть обратного пути. Однако, едва мы добираемся до перекрестка, отделяющего нас от хорошо освещенной части поселка, улыбки наши меркнут. Именно здесь, у гаражей, нас и поджидает беда.

Трое. Те самые, что давеча топтались у «Девятого». Но теперь они не просто пьяны — от них исходит та звериная, сконцентрированная агрессия, что предшествует насилию. Плотным кольцом рабочие сомкнулись вокруг своей жертвы — высокого парня, прижав его тем самым к стене. Юноша пошатывается, голова бессильно болтается на груди. Главарь, широкоплечий детина в рваной куртке, грубо толкает его плечом, тычет в бледное лицо рукояткой ножа.

— Гони бабки, трепло! — Его хриплый голос режет темноту. — Или рожу раскрою.

Переглядываемся с Дашей. Нас сковывает замешательство: то ли прибавить шаг и попытаться пройти незамеченными, а уже с безопасного расстояния звать на помощь. То ли отвлечь их, разрядить обстановку. Все же это отребье давно на нас поглядывает, может, удастся переключить их внимание и увести подальше от бедолаги.

— Эй, красотки! — Один из банды, самый крупный, отрывается от объекта пыток и поворачивается к нам. — А денег на пиво не найдется? А то этот подонок все настроение испортил, снова градус поднимать придется!

— Найдется, — бросает Дашка бодрым тоном. Идет ва-банк, достает из кармана пару сотен. — Держите. Спешите за пузырем, пока тетя Люда кассу не закрыла.

План отличный, горжусь Дашкой и какое-то мгновение даже верю, что он действительно сработает. Грозный верзила отпускает юношу, смотрит на деньги как на святой Грааль и тянет к Дашке свои лапищи. Но дай таким палец — они всю руку откусят.

— Этого на троих не хва-а-атит, — слащаво ломается головорез. — Накинь столько же и разойдемся миром.

— Денег больше нет, — четко отрезаю я, норовя остановить вымогательство. — Берите что дают и спешите к Люде, пока та домой не свинтила.

— О, это же Верка! — вдруг узнает меня второй, тот, что ростом не вышел. — Дочь местной... «примы». Вся в мамашу пошла, говорят. Только бабки зашибает побольше!

— А говоришь денег нет, — рявкает первый. — Выворачивай карманы.

От нахлынувшего чувства угрозы становится трудно дышать. Пространство словно наполняется плотной субстанцией, с трудом проникающей в легкие. Незнакомый рослый парень — прежняя жертва головорезов, медленно и безучастно сползает по стене на землю. Его тело подчиняется какой-то неведомой слабости, и не ясно, алкогольное это оупение или недомогание иного рода. Удивительно, как он стал жертвой грабителей, потому что выглядит он достаточно внушительно, чтобы дать отпор даже троим.

— Слышь, прошмандовка, я с тобой разговариваю...

Все происходит слишком быстро.

— Милый ублюдочек, мамочку твою. А ну иди сюда, говнецо ты собачкино... — вдруг раздается голос из утробы Дашки. Это не крик и не истерика. Это тихий сладострастный смертельный напев. У меня у самой кровь стынет в жилах, хоть я наизусть знаю все театральные проделки Бабочкиной. Она до неузнаваемости может изменить голос и манеры, когда нужно кого-то разыграть.

Мужики застывают, вытянув посеревшие мины. Со стороны путей тем временем доносится звук приближающейся к платформе электрички. Это значит, что скоро к перекрестку стяннутся наши односельчане, прибывшие с заработков из Москвы.

— Заткнись, стерва! — рычит один из разбойников, тот, что помоложе. Однако вся честная компания уже озирается по сторонам. Не хотят привлекать внимание лишних свидетелей.

Дашу уже не напугать, она вошла в раж и понимает, что сейчас со станции появятся люди. Импровизирует: не то что сгибается пополам — ее аж выламывает в неестественной судороге. Голова откидывается, одно плечо поднимается к уху, пальцы скрючиваются в звериную лапу — спектакль набирает обороты. Но самое жуткое — ее лицо, оно искажено, мышцы дергаются, губы растягиваются в оскале. Получившаяся физиономия не выражает никаких человеческих эмоций, и мужики в замешательстве пятятся.

Я не суюсь, знаю, что она делает, да и вообще давно твержу, что по ней сцена плачет. А Бабочкина тем временем уже снимает туфлю, заносит над головой, как тесак, и с криком: «Покойтесь с миром, православные!» — готовится к атаке.

Мужики, привыкшие к страху в глазах своих мишеней, к их слезам и уговорам, на долю секунды сначала погружаются в ступор, а затем бросаются врассыпную, но Дашка не промах — выбирает самого нерасторопного и с обещанием такой боли, от которой не спасут ни покаяния, ни молитвы, по самое не хочу засаживает каблук куда-то в область его ягодиц. Начинается схватка.

Моя рука сама собой нащупывает в луже пустую пивную бутылку. Одному приемчику мама меня все-таки обучила: резко бью доньшком о кирпичный угол гаража. Стекло взрывается хрустальным салютом, оставляя зигзагообразные узоры по краям. Оборачиваюсь: двоих уже и след простыл — решили не связываться с психопатками. Осталось припугнуть того, с кем Дашка, в общем-то и так справляется.

— Да что же вы делаете, дамы? Нормально же общались, — бормочет мерзавец. Сменил стратегию и притворяется добрым самаритянином.

— Пленных не берем, — вживаюсь в роль, а сама поглядываю на бедолагу, с которым не то местные подонки расправились, не то кто-то другой успел поработать — он неестественно

согнулся на земле, а его губы, очертания которых кажутся слишком знакомыми, почти побелели. Начинаю размышлять о том, как скорейшим образом оказать ему помощь.

— Совсем никого? — Голос несостоявшегося разбойника граничит с истерикой.

— Нет, ну легенды же кто-то должен слагать, — моя кудрявая дьяволица пожимает плечами и слегка ослабляет хватку.

Мордоворот пользуется моментом: перекачивается на бок, с трудом поднимается с четверенек и, проваливаясь в ямы на дороге, пускается наутек. Теперь, когда бандитская спесь улетучилась, он напоминает кособокого краба, удирающего от прибора. Бросаемся с Дашкой к пострадавшему юноше.

Мы легко отделались, но руки все еще трясутся. Разжимаю пальцы — бутылка разбивается об асфальт, ее острые фрагменты с треском летят во все стороны. Звон бьющегося стекла на мгновение возвращает меня в тот вечер, когда Алла схватила хрустальный бокал и сгоряча метнула о стену. Осколки, рассыпавшиеся по полу холодными гроздьями, оказались предвестниками беды. Той, что вошла в дом грузно и основательно, но затаилась, чтобы сдетонировать спустя время.

канала в телеграм: paloma_oklahoma

Глава 10. Как за «каменной» стеной

Август

Губы до сих пор горят — ее поцелуй, наивный и нежный, со сладким привкусом вишневого бальзама, кажется единственным, что имеет значение. Чувствую, как она обмякает в моих руках, слышу, как сбивается ее дыхание и с умилением наблюдаю, как жадно она хватается воздух. Жду мгновения, когда мы снова окунемся в умиротворяющий омут. С ней я забываю про ломоту в теле, про трещины в ребрах и про свинцовую тяжесть в груди. Стирается сама мысль о том, что за пределами пыльного чердака существует полный жестокости и несправедливости мир.

Но вопреки магии мгновения, реальность все же врывается в наше убежище.

Сначала слышу ненавистный голос — грубый, захлебывающийся желчью. Потом — короткий, нечеловеческий рык, будто исходящий из нутра зверя. Рев пропитан болью и раздражением. Я замираю. Вера чувствует это: пальцы судорожно цепляются за мою рубашку.

— Стекло, Август, — шепчет она. — У Аллы бокал разбился, я видела, пока была внизу.

Меня обдаёт волной жара. Он наступил на осколки. Сейчас его ярость, обожженная внезапным физическим страданием, обрушится на маму. Он не простит ей такой оплошности. Погром в крепости никогда не сходит нам с рук.

Тишина внизу становится натянутой, и мое сердце останавливается. Я знаю — в этом безмолвии зреет удар. Сценарий всегда один и тот же: сначала пелена перед глазами, потом вспышка бешенства.

И да, это действительно происходит. Мое тело рефлекторно сгруппировывается — узнает пьесу, которая проигрывалась множество раз. В голове проносится свист рассекаемого воздуха, всегда предвещающий оглушающую пощечину. На яву же слышен мощный грохот, будто кто-то ударился о сервант с фарфором.

Год затишья, и все по новой. Ровно триста шестьдесят пять дней он держался и сорвался в тот миг, когда я позволил себе отлучиться на карьер.

Мы с семьей понимали, что это была ловушка, но так и не разобрались, для чего он давал нам ложное ощущение безопасности. Чтобы мы подготовились? Чтобы искали лазейку из клетки и, наконец, окончательно осознали, что бежать некуда? Его влияние — невидимая сеть, опутавшая город; прятаться точно негде.

Следом по коридорам прокатывается сдавленный женский вопль. Картина в голове вырисовывается сама собой: мама на полу, волосы липнут к лицу, трясущиеся руки вслепую ищут опору. И снова удар — сокрушительный, тяжелый. Звук, от которого все сжимается внутри. Стоны уже не слышны, значит, она не в силах защищаться.

Адреналин бьет по вискам, пальцы сжимаются в кулаки. Каждый мой нерв натягивается, как трос. Надо отвлечь его от мамы, пусть оторвется на мне. Стою, стиснув зубы, и в вихре эмоций формируется холодный расчет. Нужна безоговорочная схема действий, у меня нет права на ошибку. Юлик... он, скорее всего, уже затаился в самом дальнем углу — этот ритуал мы с ним отработали до автоматизма. «Чуешь угрозу — стань невидимкой». Его инстинкты срабатывают безотказно, даже с учетом того, что отец никогда его не касался.

Вера... Я чувствую, как она сильнее сжимает мою ладонь, и в этом жесте — вся надежда, которую она на меня возлагает. Мысли о ней, о ее безопасности разжигают внутри неукротимую решимость. Однажды она уже пострадала из-за меня — это не должно повториться вновь. Никогда.

Мне нужно уберечь ее, стать той каменной стеной, которая защитит от любого удара. Я должен не просто вытащить ее из этого кошмара — я обязан исключить любую возможность повторения эпизода. Из ее памяти должен исчезнуть маршрут, пролегающий к этому дому,

должно стереться ощущение страха, которое она сейчас испытывает, да и мой образ должен раствориться в небытии, не оставив и мимолетного воспоминания. Так будет безопаснее.

Я поворачиваюсь к ней, заглядываю в широкие, испуганные глаза.

— Слушай внимательно, — мой голос звучит тихо, но не оставляет зазора для возражений. — Ты останешься здесь. Не спускайся вниз ни под каким предлогом. Что бы ты ни услышала.

Она тут же пытается воспротивиться, хватая меня за рукав:

— Даже слышать не хочу, Август! Я пойду с тобой! Я помогу!

— Нет! — резко обрываю ее, сжимая плечи так, чтобы она почувствовала всю серьезность моего намерения. — Ты поможешь, если сделаешь, как я говорю. Ты выйдешь отсюда только когда внизу воцарится мертвая тишина, а его авто скроется из вида. Только тогда. Обещай мне.

В ее глазах плещется то ли неподдельный ужас, то ли бунт. Не могу распознать точно. Она такая хрупкая и одновременно такая негибкая.

— Я позову соседей, вызову полицию!

— Стоп. — Перебиваю ее на полуслове. — Я не позволю этому чудовищу даже взглянуть на тебя. Поклянись, что будешь сидеть тут тише воды, ниже травы, пока не услышишь, как он уезжает.

Мне наконец удается до нее достучаться. Медленно, будто вся сила ее воли направлена на этот минимальный жест, она кивает.

Вера

Август в последний раз оборачивается ко мне, в его взгляде смешиваются тревога и прощальная нежность. Затем он выключает проектор и спешно покидает чердак. Дверь затворяется с тугим, негромким хлопком и отрезает меня от дневного света.

Густая тьма тотчас поглощает все вокруг. В ушах нарастает звук, похожий на монотонные удары состава по рельсам, — это кровь приливает к вискам. В груди колотится мое маленькое, перепуганное сердечко.

«Поклянись», — его слова крутятся в голове, как на повторе. — «Тише воды, ниже травы». Даже вдох боюсь сделать: ощущаю себя лягушонком в огромном чане, где вода медленно, но верно подходит к точке кипения.

Сначала снизу доносится грохот бьющейся посуды. Звук, который пробирается под кожу. Потом — голос Августа. Ровный, низкий, настойчивый. Он будто дрессировщик, заманивающий в силки взбесившегося хищника.

Я прижимаюсь ухом к доскам, ловлю каждый шорох, начинаю молиться, чтобы уговоры Августа возымели силу.

Но его слова встречают неприступную стену. Слышен рубленый возглас, а потом сочный удар, от которого Август коротко стонет. Следом — тихий, бесконечно жалобный плач Аллы, больше похожий на зов раненого зверька. Еще удар. И еще. Дерево делится легкой вибрацией, а внутри у меня все скручивается и сжимается: хочу взять на себя хотя бы половину этой боли. Замираю, горло перехватывает, приходит неоспоримое осознание: «Однажды, вот так, невзначай, отец его убьет».

Обещание, данное Августу и скрепленное легким кивком подбородка, лопается, как мыльный пузырь. Нет. Нет, я не могу. Я не могу сидеть сложа руки. Надо звонить в службу спасения! Сейчас же! Влажные пальцы скользят по заляпанному экрану, набирают 112. «Вызов» — а в ответ тишина. Лихорадочно опускаю шторку уведомлений, тыкаю в иконку «Мобильные данные». Все тщетно. Чем они обшили этот чердак, что он глушит радиоволны?

Отползаю от входа, ударяюсь спиной о что-то массивное. Включаю фонарик на телефоне. Позади — здоровенный тухлый короб, крест-накрест заколоченный рейками. Оружие. Мне нужно оружие, хоть какое-то.

Пальцы дрожат, скользят по пыльным поверхностям. Натыкаюсь на дубовый комод. С трудом выдвигаю первый ящик — наружу вырывается затхлый клуб пыли. Внутри пожелтевшие кружева да старые альбомы, из которых высыпается пачка потертых снимков. Барахло. Беспольный хлам. Машинально перебираю фотографии, расчищаю путь к основанию, но один кадр цепляет внимание.

Трое очаровательных молодых людей — двое юношей и миниатюрная девушка — сидят на ступеньках дачного крыльца. Снимок неяркий — время и влага взяли свое: краски выцвели до пастельных тонов, а в правом верхнем углу золотистый засвет, будто само солнце попросилось на пленку. Лето, девушка босиком, в ситцевом платье, юноши в простых футболках; день клонится к исходу, но тепло еще держится. Смотрю на фото всего мгновение, но кажется, трачу бесценные минуты. На дне ничего не нахожу и с силой водружаю полку на место.

Следующий ящик — пуговицы, газеты, ничего подходящего. Я тяну одну ручку за другой, а душа уходит в пятки от каждого скрипа. Только бы не выдать свое присутствие раньше времени.

Отчаяние подкатывает комом к горлу. Я уже готова броситься вниз, вооруженная лишь кулаками, но ручка нижнего ящика наконец поддается. Дергаю изо всех сил, внутри что-то ржавое. Запускаю обе руки в темноту, нашариваю тиски, гнутый напильник, пассатижи. И кое-что еще среди отжившего хлама — короткий, увесистый лом. Он лежит в пыли, холодный и безразличный. Подойдет.

Сжимаю его покрепче и уже направляюсь к выходу, как взгляд снова упирается в заколоченный короб. Опускаюсь перед ним на колени, перекалываю фонарик. В нос бьет знакомый, горьковатый запах окислившегося металла и старого пороха. Почему-то чувствую удовлетворение. Не просто так в первом акте на стене появилось ружье.

Подсовываю зубило под планку, дерево с треском поддается — первый гвоздь вырывается на свободу. Судорожные манипуляции отзываются ноющей болью в запястьях, но в стору отлетает второй гвоздь. За ним третий. Работаю, затаив дыхание, неустанно прислушиваюсь к тому, что творится внизу.

— Мамочка! — Меня отрезвляет пронзительный, детский голосок. Заставляет ускориться. — Мамочка, проснись!

Юлик! Бедный малыш! Он не выдержал, выскочил на помощь близким.

В столовой теперь слышны приглушенные ребяческие всхлипы и тяжелая, бессвязная брань «монстра».

Последняя рейка отскакивает в сторону. На истлевшем бархате лежат аккуратные ряды того, что кажется мне сейчас сокровищем: патроны в латунных гильзах. Различаю на металле зеленоватые разводы окиси, однако есть вероятность, что боеприпасы еще могут сработать.

Как последний катализатор, снизу доносится детский плач, полный невыносимой боли.

— Папа, пожалуйста! Больно! Пусти!

Времени на раздумья нет. Я сгребаю пригоршню тяжелых цилиндров, сую сколько влезет в карман и бесшумно выскальзываю к люку. Несусь вниз по ступенькам, сердце колотится уже где-то в пятках.

Снова громовый рев, полный лживых упреков:

— Видишь! Видишь, что ты наделала! Ты стекло не убрала! Из-за тебя он кровью истекать будет!

Сवेशиваюсь с лестницы вниз, заглядываю в столовую. Подлый мерзавец оттаскивает ребенка от матери и волочит прямо по осколкам. Август без сознания. Алла — тоже.

Бросаюсь к стене, срываю с крючков обрез. Холодная сталь приветствует меня с уважением, шершавое дерево с честью ложится в руку. Движения быстрые и точные, мы с маминым «лесником» наперегонки собирали и разбирали подобные «конструкторы». Знакомый хруст — предохранитель отжат. Кладу корпус на сгиб левой руки. Нажимаю на рычаг — затвор с

уверенным лязгом отходит, стволы «переламываются». Скорее всего, я уже выдала свое присутствие этим железным перезвоном, но мне много времени и не нужно. Достаяю из кармана два целехоньких, тяжелых патрона, закладываю внутрь. Щелчок. Стволы возвращаются на место. Заряжено.

«Самооборона, — успокаиваю себя мысленно. — Я просто припугну его».

Смирненно спускаюсь вниз. В доме воцарилась та тишина, о которой говорил Август. Может, мне и оставалось лишь несколько минут подождать, пока бездушный детина сядет в авто и скроется за горизонтом, но я обязана убедиться, что Юлик в безопасности.

Картина, развернувшаяся в гостиной, вышибает почву из-под ног. Алла лежит на полу в неестественной позе, ее волосы слиплись от пота или слез. Она не двигается. Август рядом, также без сознания, он будто загоразживает маму собой.

Бесшумно преодолеваю последнюю ступень, поднимаю обрез — тяжесть приклада упирается в плечо. Вся дрожь, весь страх уходят. Их место занимает ледяная пустота.

Юлик забился в угол, его плечи вздрагивают от беззвучных рыданий. Почувствовав мое присутствие, он медленно, будто каждое движение причиняет боль, поднимает голову. Наши взгляды встречаются, и в его глазах, прежде таких ясных и беспечных, я вижу немой ужас. «Вера, помоги», — читаю я по губам.

Мужчина стоит ко мне спиной. Свет от люстры ложится на отпаренную ткань его пиджака, подчеркивая безупречный крой. Костюм сидит как влитой, обрисовывая широкие плечи и статную фигуру. Хозяин медленно расхаживает по кухне, осматривает владения и будто наслаждается проделанной работой. Он наклоняется к Августу, берет его за волосы — я вижу, как он смакует последствия губительных действий, что совершил. Голицын-старший оттягивает голову сына на себя и замахивается, будто собирается ударить лбом об угол гарнитура.

— Оставьте его. — Мой голос — это не мой голос. Он низкий, плоский, как хирургическая сталь. В нем абсолютная безысходность.

Человек замирает. Медленно, с почти театральной небрежностью, он разворачивается. Его взгляд, прежде затуманенный яростью, теперь просветляется. Будто перед ним воскресшее прошлое, которое он сам когда-то приговорил к смерти. Ледяная волна отчаяния подкатывает к моему горлу — неожиданная трансформация палача заставляет меня оцепенеть. Но я сжимаю зубы, дышу ровнее. Мне кажется, он узнает в моих чертах чей-то силуэт из далекого прошлого. Некогда родной и до глубины его прогнившей души любимый. Он изучает меня с болезненной, голодной ностальгией — скользит по ногам, задерживается на изгибе бедер, впивается в вырез платья. В его глазах вспыхивает не похоть, а что-то страшнее: призрак растоптанной некогда любви. И меня чуть не выворачивает от немого обладания, которое он изучает.

Пристальный взгляд снова и снова липнет к телу, точно меня обвивает ядовитым плющом, и вот его глаза натыкаются на ружье. Лицо озаряет изумление, из груди вырывается раскат хохота — не издевательского, а искреннего и оттого еще более жуткого. Мучитель отпускает Августа, а его губы растягиваются в неумелой улыбке, будто он заново учится самому простому приему проявления человечности.

— Здравствуй... — голос становится приглушенным и сладострастным. — Я всегда тебя ждал. Знаю, что ты просто мираж, но все равно рад видеть.

Ни один мускул не дрогает на моем лице. Все, что происходит вокруг, — сумасшествие в истинном своем проявлении, но я полна решимости и ничего не чувствую. Равнодушные ценятся на вес золота, когда палец лежит на спуске.

— Патроны нынче дорогие, — подхватываю ведущий в никуда диалог. — Предупредительный выстрел делать не стану.

Его помутнение рассеивается, будто по щелчку выключателя. Томное наваждение сходит с лица, а наружу проступает грубая фактура реальности.

канал в телеграм: paloma_oklahoma

Глава 11. Жестокие игры

Повторяется волна гоготания, на этот раз язвительного и токсичного. Прилив хохота истощает остатки моего самоконтроля, а каждый смешок ощущается как удар хлыстом. В ушах — звон, в висках — бешеная пульсация. Чувствую себя натянутым до предела тросом, который вот-вот лопнет под натиском невзгод. Мужчина делает еще полшага ко мне, его пальцы уже в полуметре от ствола. Мертвой хваткой сжимаю оружие, костяшки белеют. Любое резкое движение с его стороны, любой вздох станет отмашкой к выстрелу. Случайному и необратимому.

Мир за пределами дома взрывается ослепительными сине-красными молниями. Свет режет глаза, наполняет комнату искаженны

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.